

ДРУГИЕ
МИРЫ

Таис Сотер

ФАКУЛЬТЕТ
ПРИКЛАДНОЙ МАГИИ

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

Annotation

Что делать студентке и талантливому артефактору Софии Вернер, если глава имперской безопасности предлагает ей свою руку и сердце? Казалось бы, нужно плясать от радости, но нет. Софи мечтает о собственном деле и не спешит связать себя узами брака. Но Мартин Шефнер — не единственная проблема Софи. Своей дипломной работой девушка умудрилась затронуть интересы сразу двух весьма опасных структур. И неизвестно, что хуже — работать на военное министерство или на службу безопасности? А может быть все-таки... выйти замуж?

Таис Сотер

Факультет прикладной магии. Простые вещи

Серия «Другие Миры»

© Т. Сотер, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Благодарю за поддержку при написании Карису Лир, Эри, Атропоса, Мириам Лавьен и великолепный гнездец в полном составе, а также любимых читателей, которые всегда находят способ порадовать своего непутевого автора.

Глава 1

Я вырвалась из душного зала для собраний, забитого обнимающимися, смеющимися, а кое-где и рыдающими людьми, и поднялась в свою старую мастерскую. По ней я буду скучать едва ли не больше, чем по своим сокурсникам и преподавателям. В мастерской сейчас никого не было, и я могла позволить себе расслабиться.

В моих руках заветный диплом, моя дорога в будущее. Конечно же счастливое и светлое. Где у меня престижная работа, ценящие меня клиенты и достаточно денег, чтобы ни в чем себе не отказывать. Теперь я, София Вернер, двадцати трех лет от роду — магистр артефакторики, славный продолжатель дела своей семьи, уже имеющий опыт работы и какую-никакую, но профессиональную репутацию.

Чокнулась с одной из пузатых реторт и залпом допила бокал шампанского. Сегодня можно побыть немного легкомысленной.

Я скинула слишком плотную для лета выпускную мантию и сняла с головы академическую шапочку. Волосы уже отросли до плеч, но сегодня я предпочла не убирать их в сложную прическу, а перевязала нарядной шелковой лентой в тон светлому платью. Ну вот, теперь я не студентка, а просто молодая симпатичная чародейка... с неопределенными планами на жизнь. Грустно.

Дверь со зловещим скрипом открылась, и на пороге появился тот, кого я хотела видеть меньше всего. Нашел все-таки. Возможно, стоило поискать более надежное укрытие.

— София, вы выйдете за меня замуж? — официально и даже как-то чопорно спросил меня Мартин Шефнер.

Вот так меня настигло самое неуместное предложение, которое можно сделать специалисту, стремящемуся к независимости.

Это было юбилейное, двадцатое предложение руки и сердца. С тех пор, как я начала их считать. Правда, это предложение отличалось от других. Во-первых, почти все предыдущие мне делал совсем другой мужчина, наверное, ищущий меня сейчас в общем зале. Ох, знала бы, что так произойдет, не отошла бы от Петера ни на шаг. А во-вторых, в этот раз я не могла так легко и спокойно ответить отказом, как это делала раньше. Хотя бы потому, что была у Шефнера в неоплаченном долгу.

Чтобы понять, как все пришло к этому ужаснейшему предложению от господина Шефнера, нужно несколько прояснить суть наших взаимоотношений с его племянником, Петером. А они уже к тому времени были непростыми. Так уж получилось, что Петер был влюблен в меня с нашего первого курса.

Мы оба поступили на кафедру артефакторики факультета прикладной магии Брейгского национального университета. Я по призванию, он от безысходности. И не то чтобы артефактором быть так уж позорно — таких специалистов каждый год выпускалось не больше десятка, и только в нашем университете. Профессия уважаемая и денежная, все специалисты нарасхват. Стопроцентная устраиваемость на работу, притом по большей части в государственные структуры. Да я неделю отойти не могла, когда узнала, что все-таки поступила!

Вот только Петер был из весьма влиятельной семьи, так что от него ждали чего-то более... впечатляющего. Но к боевым и ментальным видам магии у него таланта не было,

поэтому его пристроили к нам, найдя зачатки способности к зачаровыванию предметов. Стоит ли говорить, что юноша был весьма разочарован и отнесся к своей учебе без должного внимания?

И совершенно зря. Артефакторика — та область магии, что требует особой скрупулезности и усердности. Даже на самый простой защитный артефакт, который каждый из нас должен был уметь делать в конце первого года обучения, требовалось не меньше суток работы с минимальным перерывом на отдых и еду. И это если есть готовый материальный носитель под рукой. А если нет, то хочешь не хочешь, придется делать его самому. Недаром нас учили не только чароплетению и теории магии, но и ювелирному, и кузнечному делу, и гончарному искусству, и резьбе по дереву, и даже швейному мастерству. Мы должны были уметь работать со всеми материалами, потому что именно от них зависело, какие чары можно накладывать на предмет и как это лучше всего сделать.

Поэтому Петеру, неплохому фехтовальщику, стрелку и наезднику, в жизни не забившему ни одного гвоздя и не пришившему ни одной пуговицы, было тяжело и неинтересно учиться с нами. И он, наверное, вылетел бы с первого курса, если бы внезапно не увлекся моей скромной персоной. И тут у него внезапно проснулся и стимул, и интерес к учебе. Очевидно, он был одним из тех людей, кто, влюбляясь, готов был горы сдвинуть ради своей любимой. Вот только я к его чувствам была не слишком-то готова и в смене ландшафта, тем более таким радикальным способом, не нуждалась.

Наверное, многие мне могли бы позавидовать и сказать, что это счастье мне привалило незаслуженно. Петер был богат, знатен и довольно симпатичен. И почему он привязался именно ко мне, а не к одной из студенточек юрфака из благородной семьи, было непонятно. Нет, моя родословная тоже считалась хорошей, пусть и не безупречной, а я сама не могла пожаловаться на внешность и отсутствие интереса со стороны мужчин. Правда, интерес этот достаточно быстро угасал, когда выяснялось, что я особа скучная и приземленная и не гожусь в качестве объекта романического увлечения. Да и мне самой учиться нравилось гораздо больше, чем ходить на свидания. Ведь у меня была цель... нет, даже не так — Цель. Мне, Софии Вернер, не хотелось становиться почтенной домохозяйкой или одной из тех несчастных поделщиков, клепавших защитные и боевые артефакты для наших военных. Я мечтала стать независимым мастером, унаследовать дело деда и возродить былую славу семьи Вернеров как лучших артефакторов столицы. А это не так просто: для того чтобы стать независимым мастером, нужно было или много денег, или покровительство, а ни того ни другого у меня не было. Мой род переживал непростые времена.

Внезапно вспыхнувшая страсть Петера Шефнера мне была абсолютно не нужна и даже раздражала. На пару свиданий я с ним сходила, правда, надеясь, что после этого он отвалится от меня сам. Не отвалился. К середине второго курса я успела к нему привыкнуть и перестала всерьез воспринимать его заигрывания, тем более ничего грубого по отношению ко мне он себе не позволял, не считая одного-единственного украденного поцелуя на втором свидании. И поэтому, когда он в первый раз предложил мне свое сердце и руку, я была несколько к этому не готова. Но ответила твердым и принципиальным отказом.

Увидел ли он в этом вызов или воспринял как игру, но звать меня замуж после этого он стал регулярно. Я отшучивалась, обижалась, а однажды даже поставила ему невыполнимое условие, надеясь, что его это охладит. Дескать, сделай мне такой артефакт, какой я сама себе сделать не смогу. А ведь к тому времени у меня были весьма неплохие успехи в учебе, да и кое-какими семейными секретами я владела, так что превзойти мои поделки даже студентам

старших курсов было непросто.

Петер пропал из моей жизни на три месяца. Я видела его лишь на учебе и в мастерских, когда наше расписание пересекалось. А потом он объявился под дверями моего дома — похудевший, осунувшийся, но чертовски довольный. В руках его была коробочка с серебряным браслетом — антикварным, дорогим. Вот только чары на нем были новые и очень странные.

Что удивительно — понять, что за плетения наложены на браслет, я не смогла. Что-то из ментальной магии. Но менталистика хорошо срабатывала с людьми, но никак не с бездушными предметами!

Дед, увидев браслет, затребовал Петера себе, так ничего мне и не объяснив. Взглянул на юношу, нахмутив кустистые брови.

— Твои чары?

— Мои, — гордо кивнул Петер.

— А плетение кто придумал?

— Я сам, — несколько смущенно сказал юноша.

— Вот это уже неправда, — дед осуждающе покачал головой. — И это плетение, и этот браслет я уже видел. Сам когда-то помогал твоему отцу накладывать чары.

— Но заклинания же новые, — возразила я.

— Нет, лишь чуть измененные и заново напитанные силой. Тоже тонкая работа и непростая, но все же подделка.

Петер отвел глаза, покраснев.

— Раскусили тебя? — миролюбиво спросила я уже на кухне, налив Петеру чая с молоком. — Но знаешь, ты все равно молодец. Сложно, наверное, было понять дедушкины схемы плетений?

— Я столько сил потратил, пока разобрался, что там отец с мастером Вернером навертели, — вздохнул Петер. — Значит, это не считается?

— Не считается, — ответила я, сдерживая улыбку.

Все же мой сокурсник мне нравился, пусть даже замуж за него я не хотела. И моему деду, как ни странно, тоже пришелся по душе, хотя он и назвал его «таким же балбесом, как и его отец».

А браслет тот я все же отдала Петеру, обидев его этим так, что он отказался признаваться мне, что же за чары на нем были.

Побывав у меня дома и познакомившись с моим дедом, Петер вскоре стал постоянным гостем у нас, оправдывая это тем, что наша семейная мастерская для него гораздо удобнее, чем университетская.

— Был бы я моложе, а твой друг чуть младше, взял бы его в ученики, — как-то сказал мне дед.

Я не обиделась на него, так как с детства знала, что, несмотря на все мои старания, он никогда не увидит во мне достойную продолжательницу семейного дела. Даже мою учебу в университете он считал баловством, а когда я взяла его фамилию, промолчал. Знаю, он был разочарован в моей матери. Она была его ученицей, весьма талантливой, но перестала работать, выйдя замуж за отца. Тот, хоть и древнего рода, был небогат и приданым моей матери пользовался в удовольствие. Работать он ей запрещал: женщина из благородной семьи не должна была пачкать себя трудом, тем более столь опасным и тяжелым, каким была порой артефакторика. Так и угас ее талант, а вскоре и жизнь. Дед не простил предательства

моей матери, а после смерти отца от болезни, буквально выкосившей столицу, когда мне было семь, я осталась сиротой, и он забрал меня к себе и начал учить мастерству. Но вот своей ученицей ни разу так и не назвал.

На третьем курсе Петер пригласил меня к себе в дом. Приглашал и раньше, но я обычно отказывалась, не желая с ним сближаться. А тут согласилась, узнав, что на званом вечере будет Иоганн Хайнц, артефактор, работающий при дворе нашего императора. И дело даже не в рангах, бог с ними, я на это никогда не была падка. Просто нам в университете такое про него рассказывали! Хайнц был лучшим из лучших, не считая, конечно, моего деда. Но тот в силу слабого здоровья заказы брал редко, а оттого и большой известности не имел. В отличие от Хайнца.

И вот сижу я в огромном доме Шефнеров, в лучшем своем платье и с волосами, в кои-то веки уложенными, и наслаждаюсь умными разговорами с умным человеком. А Хайнц, хоть и был несколько высокомерен, о своем «искусстве», как он называл артефакторику, поговорить любил и, поняв, что я способна поддерживать разговор, заливался соловьем. Все остальные гости вскоре начали скучать и после ужина поспешно разбрелись кто куда. Среди гостей были в основном приятели Петера, такие же обеспеченные и бесполезные хлыщи, как и он когда-то, а также несколько девиц из благородных семей. На фоне их платьев мое выглядело простым и немодным, но меня это нисколько не смущало.

— Мастер Хайнц, позвольте задать вопрос.

— Да, дорогая? — попыхивая трубкой, добродушно сказал артефактор.

— Как Петер смог затащить вас на этот вечер? Неужели вам интересно с нами?

— Ох, если честно, он меня подкупил. Мне давно нужно было встретиться с его дядей, но Мартин Шефнер все никак не находил для меня времени. А Петер обещал, что я смогу увидеть его сегодня. Судя по всему, обманул, но я нисколько не сожалею. Ведь мне довелось встретить вас, моя дорогая.

Я покраснела, польщенная его словами. В голове даже появилась мысль, что он сейчас предложит стать его ученицей и пригласит работать во дворец. Я, конечно, откажусь, ведь в моих планах было стать независимым мастером...

— Может быть, как-нибудь вы придете ко мне в гости, София? — предложил между тем Хайнц. — Я бы познакомил вас с сыном. Он мой наследник, весьма талантливый, но, к сожалению, так до сих пор и не женатый. Если бы у него была такая жена, как вы, понимающая все сложности его работы и готовая поддержать...

Я сникла, но все же твердо ответила:

— Благодарю, мастер Хайнц, но все же я пока не нацелена на замужество. Сначала бы мне хотелось достичь чего-то в жизни самостоятельно.

— Похвальные устремления. Моему племяннику не помешала бы такая решительность, — сказал кто-то рядом, заставив меня вздрогнуть.

Я так увлеклась разговором, что не заметила, как к нам подошел незнакомый мне господин. И среди гостей его точно не было. Взрослый, лет на десять старше всех присутствующих, не считая мастера Хайнца. С резкими острыми чертами, немного массивным носом с горбинкой и темными волосами. Глаза тоже темные, почти черные, и несколько недовольные.

— Господин Шефнер, я все-таки вас встретил! Мне жизненно необходимо с вами поговорить о проекте, что вы запустили с Вернером.

Я вздрогнула, услышав имя своего рода. Значит, это дядя Петера и у него какие-то дела с

моим дедом.

Мартин Шефнер был очень влиятельной персоной в столице. Глава имперской безопасности, который получил свою должность, раскрыв государственную измену прежнего главы. Довольно молодой, чуть старше тридцати, скрытный и весьма неприятный в общении. Это то, что я слышала о нем от других. Петер и вовсе предпочитал не рассказывать о своем дяде. Я знала, что, потеряв своих родителей из-за той же эпидемии, что унесла жизнь моего отца, он жил какое-то время у дальних родственников, и ему там было непросто. И когда мальчику исполнилось двенадцать, он сбежал из дома. Нашел Петера его дядя, уже тогда достигший неплохих высот в СБ. Нашел и оставил в своем доме. Правда, судя по безалаберности Петера, его воспитанием он особо не занимался и племянника не муштровал, что, может, и к лучшему. Едва ли такой человек был бы хорошим воспитателем для легкомысленного Петера, не терпящего никакого давления на себя.

Хайнц и Шефнер ушли, и я смогла наконец расслабиться. Тут конем прискакал взволнованный Петер.

— Это беда, катастрофа! — простонал он, валясь в кресло.

— Что именно?

— Я не думал, что дядя в столице. Я ничего не сказал ему о вечере!

— Ай-ай, обманул не только мастера Хайнца, но и своего дядю. Полагаю, нам стоит уйти прежде, чем нас выгонят?

Петер посмотрел на меня умоляющим взглядом.

— Софи, останься! Ты ведь впервые в моем доме! Когда я тебе еще смогу показать... —

Он запнулся, а затем торжественно продолжил: — Свои книги по магии!

— Ты имеешь в виду дядины? — хмыкнула я. — Зачем мне, артефактору, книги по ментальной магии?

— Да ну, чтобы ты — и не нашла пользы?

В итоге я согласилась и, оставив Петера развлекать гостей, удобно устроилась в библиотеке Шефнеров. А потом и сама не заметила, как заснула.

Проснувшись от прикосновения к плечу. Надо мной стоял Мартин Шефнер, разглядывая мою особу с некоторым изумлением в глазах.

— Простите, — пробормотала я, неуклюже вставая. — Который час?

— Уже двенадцать. Ваши родные не будут о вас беспокоиться? Или для вас это естественно — не приходить домой ночевать?

Я покраснела, задетая намеком.

— Нет, не естественно, я сейчас же уйду.

Больше всего я досадовала по поводу того, что Петер меня не разбудил.

— Он все еще кутит со своими приятелями, — прочитав мои мысли, сказал Шефнер. — Впрочем, их я тоже собираюсь выгонять.

— Не любите гостей? — пробормотала я, сжегивая зевок в ладошку.

— Не люблю друзей моего племянника. Но вы не похожи на обычных его подружек. Как вас зовут?

— София, — ответила, растерявшись, — София Вернер.

— Вернер, значит? — вскинул брови Шефнер. — Не узнал.

— Мы встречались?

— Как-то видел вас в вашем доме, совсем ребенком. Чужие дети быстро растут. Я знал, что вы учитесь с Петером, но не думал, что вы близки.

— Мы друзья, — ответила я почти честно. Не рассказывать же о том, что его племянник постоянно делает мне предложения и разве что не живет в моем доме!

Интересно, что сам Мартин Шефнер этого не знал. Очевидно, Петер не рассказывал дяде обо мне, а тот не слишком-то интересовался жизнью своего племянника.

Шефнер недовольно нахмурился, не очень обрадованный нашей дружбой с Петером.

— Подождите, я отвезу вас домой, фрейлейн, — сказал он мне в спину, когда я была уже в дверях библиотеки.

— Не стоит, Петер мне обещал...

— Он напился. И сейчас слишком поздно, чтобы молодая особа возвращалась одна.

То, что моим водителем будет сам глава Службы безопасности, жутко смущало. Но смущение прошло, стоило мне увидеть хромированный автомобиль Шефнера.

— Вот это да! — бормотала я, бегая вокруг машины и исследуя чары, наложенные на нее. — Вот это да! Да на такой крошке и в стену врезаться на полном ходу не страшно! Да если вы с обрыва упадете, то на вас даже царапины не останется! Вот это мастерство...

Тут я замерла, поняв, что стиль плетения чар мне знаком. Подняла взгляд на Шефнера, все столь же спокойного и даже скучающего, и спросила:

— Это что, мой дед зачаровывал автомобиль?

— Именно он, — невозмутимо подтвердил.

— А почему не мастер Хайнц?

— Я доверяю мастеру Вернеру. Даже Хайнцу до него пока далеко.

Тут я чуть не расцеловала дядю Петера. Хотя мужчина он, конечно, не очень «целовательный» — вид у него такой, что коснись — тут же порежешься. По крайней мере, так казалось на первый взгляд.

— Да, это так, — торжественно кивнула.

А уже в машине спросила у Шефнера:

— А почему я не знала, что вы постоянный клиент моего деда?

— Потому что ваш дед, София, достаточно умный человек, чтобы молчать о нашем сотрудничестве, когда я об этом прошу, — мягко сказал Мартин, глядя на меня в зеркальце на лобовом стекле. — Надеюсь, вы это будете учитывать.

Намек был ясен.

Мартин Шефнер показался мне несколько мрачным и пугающим, однако первая наша встреча была довольно интересной. Несмотря на мое стремление быть взрослой и ответственной, я все еще была молодой девушкой, и знакомство с такой влиятельной особой, как господин Шефнер, приятно щекотало нервы и льстило самолюбию. Если подумать, меня подвез сам глава СБ! Да и еще на автомобиле, начиненном самыми первоклассными чарами! Разбогатею — куплю машину и сделаю себе еще лучше...

Впрочем, хотя господин Шефнер произвел на меня впечатление, желания увидеть его еще раз у меня не было, и на все следующие попытки Петера пригласить меня в гости я отвечала твердым отказом.

— Но почему? — ныл этот уже взрослый мужчина, забывший о том, что он вырос и никто не собирается плясать вокруг него с погремушками.

— Ты напился и забыл про меня. Из-за тебя мне от деда попало.

— Я заглядывал в библиотеку, тебя там не было. И я подумал, что ты уже ушла...

— Балда, — беззлобно ответила я и ударила по темноволосой макушке свернутой тетрадкой. — Если бы не твой дядя, я бы оказалась дома еще позднее.

— А что дядя? — настороженно спросил Петер.

— Он меня подвез.

— Непохоже на него. Надеюсь, он не говорил обо мне гадости?

Я удивленно покачала головой.

— Вы что, не очень ладите?

— С ним сложно ладить, — проворчал Петер.

После этого мы о Мартине Шефнере не говорили, да и я о нем как-то не думала. Все же мы жили с ним в разных мирах — он в мире большой политики, среди грязных тайн, предательств и интриг. А я в те дни, когда не училась и не пыталась что-то смастерить и начинить чарами так, чтобы все это не взорвалось, сидела за книжками и если куда-то и выбиралась, то только в парк поблизости от дома.

В парке, к своему удивлению, я и встретила Мартина во второй раз. Прошло почти полгода с первой нашей встречи, и я как раз начала писать дипломный бакалаврский проект. Да, немного рано, еще до начала четвертого курса, но уж больно мне не терпелось приступить к работе. Пока я находилась на этапе построения схем и параллельно пыталась понять, какой материал лучше использовать для своих чар.

Идея у меня была довольно банальная — невидимость для носителя моего артефакта. Но тут стоит понимать, что, несмотря на все предпринимаемые попытки, добиться полной невидимости так никому и не удалось. Как я считала — из-за принципа «хамелеона», который чаще всего использовался для подобных чар: в основном все артефакты делали так, чтобы объект сливался с окружающей средой, мимикрировал. Я же взяла другой принцип: носитель моего артефакта должен был просто выпадать из поля зрения людей, чтобы на него смотрели и не видели.

Так могли делать только некоторые ментальные маги. Но их было еще меньше, чем нас, артефакторов, к тому же всем известно, что ментальная магия не годится для материальных носителей. Так что прежде чем попытаться совместить ее и артефакторику, мне нужно было понять, смогу ли я вообще самостоятельно переделать ментальное заклинание под свои нужды.

Одно из двух. Или я завалю свой дипломный проект, или сделаю прорыв в своей области. Пятьдесят на пятьдесят. Как по мне, шансы неплохие.

К третьей неделе работы над проектом мой мозг уже кипел. Дед, в очередной раз обнаружив меня за расчетами, не выдержал и, отобрав все бумаги, просто вытолкал на улицу.

— Совсем скоро бледной немочью станешь, — ворчал он. — Лето на дворе. Иди погуляй, и чтобы до вечера не возвращалась.

Так я оказалась в парке, притом не в самом лучшем своем виде. Помятая от недосыпа, бледная (тут дед был прав, немного солнышка бы мне не помешало) и, как выяснилось позднее, с заляпанными чернилами пальцами. Я попыталась оттереть несколько пятен, а затем плюнула на это. В парке сейчас мамы с малышами гуляют, на кого мне впечатление производить?

Уселась на скамейку рядом с прудом в глубине парка, достала из пришитого к юбке кармана портсигар и с удовольствием затянулась сигаретным дымом. Дурная привычка, знаю, но этот простой ритуал всегда помогал мне расслабиться и очистить разум от посторонних мыслей.

Я докуривала уже вторую сигарету, когда ко мне подошел некий господин и попросил угостить. Ползла за портсигаром, уже открыла его и только тогда поняла, что передо мной

стоит Мартин Шефнер. И смотрит на меня крайне неодобрительно.

— Добрый день, — сказала я, подавляя порыв встать и сделать книксен. Поспешно затушила тлеющую сигарету. — А что вы тут...

— Делаю? Заходил к вашему деду, София, и после решил немного прогуляться. А тут вы... предаетесь столь низменному пороку. Ну-ка, давайте мне сюда все, что у вас есть.

— Зачем это? — с подозрением спросила я.

— Выкину.

Терпеть не могу, когда меня заставляют что-то сделать. Я упрямо вскинула подбородок и с самым холодным видом заявила:

— Я уже достаточно взрослая, чтобы самой решать, что мне можно, а что нет.

Улыбка скользнула по узким губам Шефнера.

— Взрослая? — протянул он. — А мастер Вернер знает, что вы курите?

Я вспомнила, что передо мной ментальный маг, и не рискнула врать.

— Нет.

— Полагаю, если он узнает об этом, то вам не поздоровится. Ваш дед довольно вспыльчив.

Вздыхнула, соглашаясь, и все же высыпала сигареты в подставленные ладони. Сам портсигар решила не отдавать даже под угрозой. Он у меня дорогой, антикварный, к тому же собственноручно зачарованный.

— И кстати, я запрещаю вам курить, — сказал глава СБ, выкидывая мои сигареты (не самые дешевые!) и присаживаясь рядом. Бедро его почти коснулось моей руки, и я поспешно сдвинулась к краю скамьи.

— Вы не можете мне ничего запрещать.

— Могу, — не согласился Шефнер. — Могу и запрещаю.

Я кинула на него хмурый взгляд из-под ресниц. Только пришел и сразу командует! Что-то он перестал мне нравиться.

— Допустим, я с вами соглашусь. Сейчас. Но ничего не мешает мне снова купить сигареты и курить там, где я на вас точно не наткнусь, господин Шефнер.

— Тогда мне придется организовать за вами слежку, — улыбнулся одними уголками губ мужчина, сощурился от удовольствия глаза. Кажется, ему нравилось выводить глупую студенточку из себя.

— Это превышение ваших полномочий и государственная растрата — использование служебного положения и средств для личных нужд.

— Какая же вы, фрейлейн...

— Скучная?

— Напротив, интересная. Но я абсолютно серьезен, София. Не курите больше, это вредно для здоровья. Иначе мне придется прибегнуть к определенным мерам. Не к слежке, конечно. Есть более действенные методики.

Он намекает на то, что применит ко мне ментальные чары? Я резко встала.

— Что, не будете мне говорить, что это тоже превышение моих полномочий? — насмешливо спросил маг.

— Не буду. Просто попрошу у деда защитный амулет от ментальной магии, упомянув, что некий ментальный маг, ему давно знакомый, мне угрожал.

— Я не угрожал вам, София. Сядьте, — неожиданно холодно сказал Шефнер, заставив меня остановиться. Нет, магию он не применял, но был очень, очень убедителен.

Развернулась к нему, все же сохраняя дистанцию.

— А вы ведь не менее упрямы, чем ваш дед, — заметил Шефнер, — а по вам и не скажешь. Первое впечатление вы производите весьма наивное и незащищенное.

Я поморщилась, но спорить не стала. Уж не знаю почему, но я действительно казалась такой, как он определил. Нет, у меня не было огромных голубых глаз или овечьих кудряшек на голове. Я даже ростом была чуть выше среднего и выглядела вполне на свой возраст. Да и вела себя обычно совсем не мило, а с вежливой холодной отстраненностью или даже язвительностью. И все же преподаватели, да и многие сокурсники поначалу относились ко мне с заботливостью и даже каким-то умилением. Потом, конечно, чуть попривыкнув, переставали видеть во мне нежный цветочек, коим я в жизни не была.

Но рядом с Шефнером я на самом деле начала чувствовать себя... уязвимой. И вроде бы он не был для меня врагом. Всего лишь дядя моего друга и клиент деда. Тогда почему у меня было такое ощущение, что за фасадом пусть немного вредного, но все же довольно дружелюбного господина находится нечто совсем иное? Как будто он постоянно оценивал меня и искал мои слабости. Неужели просто неприятная профессиональная привычка?

— Я вас слушаю, — сказала самым препротивным голосом, который использовала при попытках отвадить Петера. Но у Шефнеров, видимо, к подобному был иммунитет.

— Не надо на меня злиться. Я только хотел задать вам вопрос по поводу отношений с моим племянником.

— Раньше вас это не слишком интересовало, — настороженно ответила я.

— Раньше я не знал, насколько он вами увлечен. И что он делал вам предложение, и не одно.

— Не мне одной, полагаю.

— Ошибаетесь. Нет, вниманием девиц он себя не обделяет, но ради вас он захотел хоть сколько-то измениться. У него в книгах на полях пометки: «Спросить у Софи», «Рассказать Софи». Он даже пробовал вас нарисовать, представляете?

Шефнер явно насмешничал. Я поморщилась.

— Вы что, начали шпионить за своим племянником?

— Лучше поздно, чем никогда, — ответил маг. — Тем более что его увлечение вами мне не нравится. Я рад, что вы достаточно благоразумны, чтобы не отвечать взаимностью Петеру.

Меня неожиданно сильно задела слова Шефнера.

— Считаете недостойной своего племянника?

— Скорее неподходящей. Конечно, ваша семья, София, довольно почтенна, но не состоятельна и не родовита.

— Мой отец из благородного рода, — все же решила сказать, хотя была уверена, что Шефнер отлично это знал.

— Фон Гревениц, да? Но вы не общаетесь тесно с семьей отца.

И это было правдой. Мой дядя по отцу — барон фон Гревениц — терпеть не мог своего младшего брата. И эта нелюбовь распространилась и на меня. Нет, он вполне готов был оплачивать мне образование — где-нибудь в пансионе, конечно, а не в университете. И мог бы даже поспособствовать с замужеством, будь у меня такое желание. Вот только жениха бы выбрал... Да, если бы он был младше шестидесяти, я бы сильно удивилась. К счастью, барон не стремился взять надо мной опеку, и видела я его в последний раз лет пять назад. Он редко выбирался в столицу, а я не навещала поместье Гревениц.

— И все же, — не знаю почему, но я продолжала спорить с Шефнером... фон

Шефнером. В университете было запрещено использование дворянских титулов, поэтому порой забывала, что Петер весьма родовит и является наследником титула своего отца.

— К тому же вы слишком властны и будете подавлять моего несчастного слабохарактерного племянника...

— Я не властна! Прекратите так говорить! — возмутилась я.

— Вот видите, — Шефнер усмехнулся, — вы уже командуете. И кем? Главой имперской службы! Но продолжим. Вы ведете себя неподобающе и выглядите...

Он красноречиво окинул меня взглядом. Я вспыхнула и спрятала испачканные в чернилах ладони за спину.

— У вас еще на носу пятнышко, — доверительно сообщил мне маг.

Если честно, в этот момент мне хотелось пойти и назло Мартину Шефнеру принять предложение Петера. Останавливало то, что тогда мне придется считать этого господина, нагло влезającego в чужую жизнь, своим родственником. Ну уж нет, такого счастья мне не надо! Я бросила на Шефнера высокомерный взгляд и задрала свой испачканный нос как можно выше.

— Ваша забота о Петере не оправдывает ваше грубое поведение, господин Шефнер.

— Дело не в моей заботе о Петере. Я пытаюсь защитить вас, — уже серьезно сказал маг.

— От чего же?

— От разочарования, которое постигнет вас, когда вы узнаете, что Петер помолвлен.

Я не смогла скрыть своего изумления:

— Он мне никогда не говорил!

— Полагаю, он просто предпочел сделать вид, что его невесты не существует. Но, обманывая других, он обманул и себя. Правда такова, что после окончания университета он должен будет жениться на Марии Ланге. Она прекрасная партия — ее отец граф, к тому же имперский прокурор Грейдора, а старший брат подает надежды на военном поприще. Семья, с которой не стыдно породниться, — Шефнер-старший тонко улыбнулся, заставив меня гневно вскинуть подбородок.

— Я не собиралась стыдиться своего происхождения!

— Вы правы, не стоит. Род вашего отца знатен, а семья мастера Вернера давно дружна с моей. Но вы должны понимать, что я прежде всего должен думать не о своих симпатиях, а о будущем племянника.

— Скорее, о своих амбициях, — фыркнула я.

— Вы не правы, но я не буду спорить. Важно лишь то, что все уже решено. Пока Марии шестнадцать и для брака она слишком юна, поэтому я снисходительно смотрел на развлечения своего племянника. Отношение же его к вам серьезно, и меня это беспокоит. Надеюсь, вы не будете поддерживать заблуждение Петера, что когда-нибудь ответите ему взаимностью?

— Предлагаете мне держаться от него подальше?

— Нет, отчего же? Вы благотворно на него влияете. Я даже буду рад видеть вас у нас дома.

— Ну уж нет, — проворчала, приходя в себя. Унизительность и абсурдность ситуации дошла до такой степени, что я внезапно успокоилась. Отлично, один лжец, а другой грубиян. Хороша семейка! — Простите, мне пора вернуться к работе.

К счастью для Петера, его не было в городе, а к тому времени, когда он вернулся из своего путешествия по материку, я немного успокоилась и перестала злиться. Ну помолвлен

мой друг, так разве это беда? Все равно я никогда не собиралась выходить за него замуж.

Когда Петер приехал, я не стала выпытывать у него правду или с торжественным видом ловить на лжи. Тем более следовало быть честной с самой собой: я тоже получала выгоду от нашей странной дружбы. Мне льстила привязанность юного Шефнера, его желание выглядеть лучше в моих глазах. Да и привыкла к тому, что он был рядом, нередко помогая мне в моих проектах. Несмотря на леность и неряшливость Петера в работе, голова у него была светлая, и очень часто именно в спорах с ним я находила правильный ответ. Желая ему помочь и хоть чем-то отплатить, я подтягивала его в учебе и выискивала ошибки уже в его проектах. Петер специализировался на оружейных чарах, а мой дед, как оказалось, был неплохим знатоком этого вопроса и имел дома подходящее оборудование. Поэтому мы с Петером нередко работали у меня дома практически за соседними столами, а вечером обменивались своими успехами. И, к своему стыду, могу сказать, что сейчас дела у него шли гораздо лучше, чем у меня.

— Ты выбрала чертовски сложную тему, — как-то сказал Петер. — Может быть, возьмешься за что-то другое? Твой научный руководитель едва ли будет против.

До сдачи дипломной работы оставалось несколько месяцев, а я так и не смогла создать хотя бы один функционирующий экземпляр артефакта невидимости.

— Неудача — это тоже результат! — заявила я и выбросила очередную глиняную болванку под артефакт. — Мне надоело. Пойдем прошвырнемся по городу.

— Наверное, скоро с небес начнет сыпаться манна, а лев подружится с агнцем, — хмыкнул Петер, легко спрыгивая с рабочего стола, на котором восседал. — Не ожидал услышать на этом свете такого предложения от тебя.

— Мне нужно набраться новых впечатлений. К тому же я хочу забежать в пару антикварных лавок, посмотреть, что привезли. Дед продал одну из моих поделок своему клиенту, и у меня появились деньги.

Уже к концу второго курса я начала работать: сначала по тем образцам, что давал дед, а потом и самостоятельно, со своими артефактами. К концу четвертого курса я не только полностью обеспечивала свои нужды, но и могла откладывать деньги на будущее. Идея приобрести собственный автомобиль со временем только укрепилась.

Весь вечер я таскала за собой несчастного друга, пока у меня не кончились отложенные на покупки деньги. И я согласилась немного отдохнуть и перекусить. В кофейне, куда меня привел Петер, нас явно приняли за парочку. Столик за перегородкой, зажженные свечи... Когда Петеру вздумалось заказать для нас вина, я пнула его по ноге.

— Даже не думай, у нас не свидание!

Мило улыбнувшись официантке, я заказала кофе и пирожные на двоих, решив, что не мешает отблагодарить Петера за терпение. Дело в том, что не все предметы годятся, чтобы стать заготовками для магических артефактов. Вещь должна быть особенная. Напитанная правильными чувствами, а если она прошла долгий путь — то еще и правильными воспоминаниями. Правда, многие предпочитали не брать старые вещи, так как те были капризны к чарам, а создавать артефакт полностью с нуля. Но в антикварных украшениях была своя особенная прелесть, и их долгая жизнь и необычная история позволяли добиться иногда совершенно непредсказуемого, чудного результата.

Сегодня моя добыча — несколько древних монет, чернильница из зеленого стекла и массивное мужское кольцо-печатка с черным агатом. Последнее стоило невероятно дорого, но я не смогла удержаться, чувствуя, что когда-нибудь сделаю из него по-настоящему мощный

артефакт.

Петер немного поворчал, но, получив свои пирожные, вскоре смягчился.

— Знаешь, — сказал он, — как бы ни повернулась наша судьба, я никогда не пожалею, что познакомился с тобой.

Я тепло улыбнулась.

— Не думай о будущем, давай наслаждаться нашими студенческими днями.

Прорыв в моей работе наступил внезапно. К сожалению, вдохновителем был все тот же господин Шефнер, то исчезающий, то появляющийся в моей жизни буквально из ниоткуда. Минуло несколько месяцев с нашей летней встречи. Зимние праздники как раз закончились, последняя сессия у бакалавров артефакторики уже закрылась, и я могла уделить все время своему диплому. Небольшие подвижки у меня были. Так, я наконец разобралась в некоторых механизмах ментального воздействия, которое должен был оказать мой артефакт. Но ни одного рабочего экземпляра на руках у меня не было.

В один из дней, полностью посвященных работе в мастерской, произошла весьма странная встреча. Я лежала вниз головой, закинув ноги на спинку старого прожженного в нескольких местах кресла, которое дед поставил для меня в мастерской в подвале. Когда-то я слышала, что, если кровь приливает к голове, легче думается, а так как мне ничего не помогало, я решила прибегнуть к этому способу. Но, глядя на свои ноги в полосатых чулках и теплые штаны в горошек, собирающиеся у коленок в миленькие оборки, могла думать только о том, что хорошо бы купить себе какой-то более приличный комплект нижнего белья. Хотя вот чулки меня вполне устраивали...

Двое суток без сна и глинтвейн, который я втихую от бабушки сварила себе на кухне, сделали свое коварное дело, и я так и заснула в столь странной позе с задранными ногами и сбившейся юбкой. А проснулась оттого, что кто-то меня касался. Сначала пробежался пальцами по одной из щиколоток, а затем пощекотал нежную стопу. Я рефлекторно дернула ногой и открыла глаза.

— Я уже второй раз застаю вас спящей. И кстати, хочу сделать комплимент вашим ногам, фрейлейн. Хотя не могу не отметить, что вкуса у вас совершенно нет.

Мартин Шефнер в моей мастерской. Самым беспардонным образом трогает меня за ноги. Наверное, я в аду. Опустив ноги и сев в кресле, чинно расправила на коленях юбку, избегая смотреть магу в глаза.

— Кто вам разрешил вот так врваться в мою мастерскую? — спросила хриловатым после сна голосом.

Шефнер уселся на подлокотник кресла, с интересом меня разглядывая.

— У вас лицо все красное, — заметил он.

— Кровь прилила.

Установилось несколько неловкое молчание. Я не выдержала первая.

— Вы не ответили на мой вопрос!

— Мастер Вернер сказал, что у вас проблемы с дипломной работой. И что она косвенно связана с менталистикой. Я решил, что, возможно, смогу быть вам полезен. Давайте-ка я посмотрю на ваши безделушки.

Может быть, как мастер я еще не состоялась, но к своему труду относилась со всей серьезностью. Слово «безделушки» царапнуло, заставив поморщиться.

Судя по всему, мой вид был более чем красноречив. Но Мартин Шефнер, вместо того чтобы извиниться за то, что задел мои нежные чувства артефактора, неожиданно обрадовался.

— Вот вы на меня и посмотрели! Так в чем проблема?

— Вы все равно ничего не поймете, — пожалала я плечами. — Дело не в ментальной

составляющей, как мне думается, а в сложности наложения чар. Никакие не подходят.

— Позвольте мне самому судить.

Я кивнула на стол.

— Смотрите, все ваше.

Шефнер повертел в руках глиняные болванки, покопался в схемах и записях, в которых я отражала все свои неудачные работы. А затем вновь вернулся к образцам, на которых еще оставались обрывки ментальных чар.

— Вот оно! — наконец сказал он торжественно, снимая лабораторные очки. Этот жест и его улыбка напомнили мне Петера. Удивительно, а раньше мне казалось, что между ними нет никакого фамильного сходства.

— И что же? — я подперла подбородок ладонью, скептически глядя на главу СБ. Нет, думаю, человек он умный и менталист отличный, только артефакторика работает абсолютно на других принципах.

— Длина ваших заклинаний... точнее чар. Так ведь у вас говорят? Вы привыкли помещать в достаточно небольшой предмет большой массив чар.

— Так не говорят, — заметила я.

— Не важно, — он отмахнулся. — И судя по вашим формулам, цепочки чар у вас достаточно длинные и сложные. Но ментальная магия не любит... как бы понятнее выразиться... тесноты. Заклинания менталистов всегда гибки, просты и многочисленны. Но при этом связаны друг с другом, как лоскутное одеяло. Поэтому вам нужно, во-первых, отказаться от небольшого материального носителя, во-вторых, сменить рисунок чар.

Лоскутное одеяло... Сравнение Шефнера натолкнуло меня на идею. Нет, она приходила ко мне и раньше, но я отказалась от нее из-за сложности ментальных чар, которые просто рассыпались у меня под рукой. Но если действительно не делать четкой последовательности, а позволить чарам запускаться одновременно, сделав их при этом менее энергоемкими...

— У вас взгляд остекленел. Судя по всему, я вас уже потерял.

Я очнулась и с признательностью посмотрела на Шефнера. Он меня даже раздражать перестал.

— Ах да, если у вас получится с этим артефактом не видимости, то ваше изобретение засекретят.

Благодарная улыбка сползла с моих губ. Светлый ореол вокруг головы Шефнера как-то сразу потух, а лицо с резкими чертами перестало казаться благородным и умным.

— Вы собираетесь прибрать мою работу к своим рукам?

— Либо мы, либо военное министерство. Во втором случае они еще и вас заставят на них работать. А это ведь не то, что вы хотите, София?

Мне отчего-то стало не по себе.

— Д-да.

— Тогда не привлекайте слишком много внимания.

Он предупреждал меня? Предлагал намеренно завалить работу? Но я все равно могу перейти на пятый курс, так как даже мои предварительные расчеты представляли научную ценность. Правда, при этом в глазах преподавателей — да и своих — я так и останусь посредственностью.

Вот только, по словам Шефнера, если у меня все получится, о независимости мне придется забыть. Меня заставят подписать контракт, и будет верхом везения, если он окажется не пожизненным.

— Почему вы мне это говорите?

— Ради вашего дедушки. Он потерял свое здоровье, работая на государственной службе. Вам, София, это совсем ни к чему. Впрочем, в случае принятия вами решения я за вами пригляжу. Вы мне интересны.

Он шагнул ко мне, я же шарахнулась в сторону, ударившись бедром об стол. Больно! Шефнер вскинул темные брови в притворном изумлении.

— Я только хотел пройти. Мне кажется, вам есть о чем подумать в одиночестве.

Поймав на себе удивленный взгляд водителя, редко видевшего своего начальника в добром расположении духа, Мартин перестал улыбаться.

— Домой или на службу, господин Шефнер? — поспешно спросил тот.

— Нет, во дворец. Меня ждет встреча с канцлером.

Густав будет недоволен, узнав, что на Вернера не стоит рассчитывать. Старика давно уже подводило здоровье, и лишь ради своей внучки он продолжал выполнять заказы, которые ему подкидывал Мартин. Но сейчас старый мастер совсем перестал справляться с работой. Мастер Хайнц же, пусть и предан императору, был труслив и ненадежен.

Мысли вновь скакнули к Софии Вернер, девушке с ясными серыми глазами и стройными щиколотками. Она унаследовала способности к артефактной магии от своего гениального деда и могла быть весьма и весьма полезна... Вот только втягивать совсем еще юную девушку в грязные дела не хотелось. Да и старика Вернера это окончательно сведет в могилу.

С другой стороны, если Софи будет продолжать так же светить своими талантами, как сегодня она светила своими ножками в чулках (ах, чудесное зрелище!), то вскоре ее заметит кто-нибудь другой. И если Хайнц слишком самодоволен и высокомерен, чтобы сделать внучку Вернера своей преемницей, то министр Гайне и канцлер наверняка захотят присмотреться к способной чародейке. Чародеев-артефакторов было не так уж и много — довольно редкий дар, которым к тому же весьма непросто овладеть и развить до уровня мастерства. Большинство выпускников только и были что способны клепать стандартные артефакты. Таких мастеров-изобретателей, как Вернер, Хайнц, Морике, мало, и все они были уже стариками. Айзек и Маргрит Лехо, Танас Шварц и Грегор Рейнеке — тоже хороши и все еще в расцвете сил, но никто из них так и не смог воспитать достойных учеников. Если София Вернер и правда сможет создать свой артефакт невидимости, то сразу обратит на себя внимание и станет интересна слишком многим.

«Я должен был удержаться и не давать ей подсказки, — устало подумал Мартин, глядя на усыпанный снегом город, проплывающий за окном автомобиля. — Может, действительно ей лучше выйти замуж за Петера?»

Мысль эта была неприятной. И не из-за того, что придется давать откупные Ланге, чья дочь была помолвлена с Петером. Шефнеры могли себе это позволить. Просто сама идея, что Софи выйдет замуж за его племянника, раздражала Мартина. Он отлично понимал, что девушка интересна ему не только как артефактор, но и сама по себе. Все в ней казалось искушением: живой ум, смелый и честный характер, острый язычок и симпатичное личико, от которого не хотелось отрывать взгляд. Хотя вот совсем недавно получилось — невольно переключив внимание на стройные ноги. Мартин чувствовал себя престарелым извращенцем, но никак не мог выкинуть из памяти то, что увидел, застав Софию в столь странной позе: изящные стопы, узкие щиколотки, аппетитные коленки... Вот бедра, скрытые

за пышными панталонами с оборочками, рассмотреть так и не удалось. Но это только усугубляло ситуацию, давая простор для фантазии.

«Я здоровый мужчина, совсем не старый. Физическое влечение и эстетическое удовольствие от созерцания женщин — это вполне естественно, — сердито подумал Мартин и усилием воли выкинул мысли о Софии и ее ногах из своей головы. — Если не засижусь у канцлера до глубокой ночи, заеду к Линде».

Несмотря на то, что в моей голове роились сотни идей о будущем артефакте, необходимых материалов и средств, чтобы их воплотить, у меня не было. Поэтому я выкинула все старые чертежи и тетради в камин и решила приступить к работе завтра. По пути в свою комнату я заметила, что в кабинете деда все еще горит свет. Постучавшись и не дождавшись ответа, заглянула внутрь и увидела, что дед заснул в кресле с книгой на коленях и в очках, которые вот-вот готовы были свалиться с его носа.

— Деда, иди спать, — тихо сказала я, коснувшись его плеча.

Он вздрогнул и открыл глаза. Посмотрел на меня с явной растерянностью.

— Где Мартин? Он был тут.

— Господин Шефнер уже ушел.

— А мы ведь только что с ним разговаривали... — Внезапно дедушка нахмурился. — Ты разве про него знаешь?

— Ты же сам отправил его ко мне в мастерскую, — напомнила я. — Чтобы помочь с проектом.

Дед снял очки и потер лоб.

— Я не мог этого сделать. Меньше всего я хочу, чтобы этот лис крутился вокруг тебя. Он не очень хороший мальчик.

Я улыбнулась. «Не очень хороший мальчик» — весьма необычная характеристика для грозного главы Службы безопасности.

— Ты, наверное, просто забыл, — предположила я.

— Я же сказал, что не стал бы так делать! — резко ответил он, не желая признавать, что память его порой уже подводила. Дед все еще был хорош в работе, но многие из простых вещей начал забывать, а то и путать. Так, недавно он назвал меня именем моей матери, страшно меня перепугав. Эти его приступы накатывали внезапно и так же внезапно проходили. — Видимо, я заснул во время нашего разговора, а Мартин не стал меня будить. И что, ты показывала ему свою работу?

— Это так плохо? — встревожилась я.

Дед тяжело вздохнул.

— Это не тот человек, которому стоит лишний раз попадаться на глаза. Где ты с ним познакомилась?

— У Петера в доме, я же говорила.

— Точно...

— А ты, деда? Вы ведь давно знакомы?

Дед обычно не очень любил говорить о своем прошлом, поэтому я не особо ждала, что он мне ответит, а не отошлет прочь. Но дед внезапно разоткровенничался.

— Я работал на СБ более двадцати лет, ушел туда из военного министерства. Знал хорошо и отца, и старшего брата Мартина, Марка. Поэтому когда мальчик начал работать в конторе после смерти Марка, я старался ему помогать и поддерживать. Ему тогда непросто

приходилось. Зато сейчас вон каких высот достиг!

Дед произнес это почти с гордостью, и мне на мгновение подумалось — не стал ли Шефнер когда-то заменой моей матери, которая, как дед считал, предала его, бросив семейное дело?

— А почему ты ушел из СБ?

— Появилась возможность, потому и ушел, — проворчал дед. — Здоровье начало подводить, и Мартин сумел добиться для меня расторжения контракта. Да и ты у меня появилась к тому времени, не мог же я целыми днями пропадать на работе.

Я склонилась и поцеловала деда в сухую испещренную морщинами щеку.

— Чего это ты? — смущенно спросил он, неловко потрепав меня по волосам.

— Просто люблю тебя. И похвастаюсь, у меня прорыв в работе!

Рухнув в соседнее кресло, я начала рассказывать про свою задумку. И хотя дед вроде одобрительно мне кивал, мне показалось, что мой успех его не слишком порадовал. Впрочем, предостеречь меня он не пытался. Вернеры — не те, кого можно испугать или остановить, и в этом я была полностью похожа на своего деда.

На защиту бакалаврских проектов было отведено два дня. Диплом обычно давали всем, кто смог доучиться до четвертого курса, а вот в магистратуру брали лишь тех, кто еще не достиг границы своих возможностей и показал хорошие результаты на защите проекта. Обычно отсекалась треть, а то и половина артефакторов. У бакалавров не было проблем с устройством по профессии, но получить по-настоящему высокие должности они уже не могли. А моей задачей было не только остаться в университете, но и стать лучшей! Не только и не столько ради репутации и отнюдь не из тщеславных побуждений. Я хотела, чтобы о Вернерах вновь заговорили как о лучших артефакторах Грейдорской империи. Это должно было стать моим подарком деду.

Но сомнения, которые заронил в меня Шефнер, мешали спокойно ждать дня защиты. В своей работе я была уверена, а вот в том, стоит ли ее демонстрировать комиссии, уже нет. Тем более что состав экспертов в этом году был неожиданно впечатляющим.

Помимо декана факультета прикладной магии и нашего заведующего кафедрой, профессора Морике, на оценку студенческих выпускных работ приглашались люди со стороны. Больше десяти лет в комиссии сидел мастер Хайнц — придворный артефактор. Почти всегда присутствовали артефакторы из военного министерства, особенно если некоторые студенческие работы представляли для них интерес. В этом году таких дипломников было двое — Петер Шефнер и Лианар Сторманн, работающий над усовершенствованием брони. У последнего успехи хоть и намечались, но работа все же была сыровата. Зато Петер неожиданно для других и вполне ожидаемо для меня, наблюдавшей за всем ходом работы, создал действительно хороший артефакт. Его «глушитель» позволял сделать выстрел из огнестрельного оружия почти в три раза тише и при этом годился как для охотничьих ружей, так и для полицейских револьверов.

И все же это никак не объясняло того, что к комиссии решил присоединиться сам Грегор Рейнеке, главный артефактор министерства, который до студентов обычно не снисходил. Но что еще хуже, своим присутствием на защите почтил артефакторов-бакалавров и глава СБ Мартин Шефнер. Большинство моих сокурсников это жутко волновало — репутация у Шефнера была пугающей. Все винили в его присутствии Петера — дескать, дядя захотел лично посмотреть на успехи племянника. Может быть, так и было, но мне все вспоминался последний наш разговор в мастерской.

Мое выступление назначили на второй день защиты, как и у Петера. Все еще сомневаясь в правильности принятого решения, я пропустила вперед всех своих одноклассников. И когда Петер, сияющий и радостный, выскочил из зала, я успела только обнять его, и тут же секретарь пригласил меня войти. Крепче прижав к груди коробку со своим творением, я смело шагнула за порог, представ перед лучшими артефакторами империи. И Мартином Шефнером, чтоб его...

Стоять перед комиссией оказалось весьма волнительно. Признаюсь, я несколько растерялась, особенно увидев на лицах некоторых членов комиссии скуку. А представитель министерства, Рейнеке, и вовсе смотрел на меня с презрением. Этот не старый еще мастер не считал девушек подходящими для столь сложного искусства, как артефакторика. Впрочем, как и Хайнц, но тот явно мне симпатизировал.

— Представьтесь, пожалуйста, — попросил меня профессор Морике, добродушно

улыбаясь.

— София Вернер.

— Вернер? — хмыкнул Рейнеке, придирчиво меня разглядывая. — Родственница Августа Вернера?

— Его внука, — подсказал Морики. — И одна из сильнейших студентов нашей кафедры за последние несколько лет.

— Старая школа, — кивнул декан понимающе. — Ну что же, чем вы нас порадуете, София?

Я бросила быстрый взгляд на Шефнера, ожидая увидеть в его глазах... насмешку? Одобрение и поддержку? Не знаю. Но он смотрел на меня вполне равнодушно, будто бы не узнавая. Положив перед комиссией свою бакалаврскую диссертацию, я начала:

— Моей задачей было сконструировать артефакт невидимости...

— Оптический камуфляж? Интересно, — тут же прервал меня Рейнеке, даже не взглянув в сторону диссертации.

Интересно ему, как же. Аж глаза злорадством загорелись в ожидании признания моего провала.

— Не совсем. Артефакт работает не на основе оптического обмана, а использует принципы ментальной магии. Фактически он заставляет тех, кто попал под его влияние, забыть о присутствии человека, надевшего мой артефакт.

— Нам удастся это увидеть? — скучающе спросил декан, заглянув в мою диссертацию. — Или ваша работа чисто теоретическая?

— Даже теоретические исследования в этой области весьма ценны, — высказался Мартин Шефнер, и я увидела в его глазах... предупреждение?

Он давал мне возможность пойти на попятную.

Я решительно кивнула сама себе и, поставив на пол коробку, достала из нее артефакт. Первым не выдержал Хайнц, громко прыснув, Рейнеке же и вовсе расхохотался. Декан удивленно посмотрел на профессора Морики, но тот развел руками:

— Сам в первый раз вижу работу студентки Вернер. Не в обиду вам, София, но почему вы выбрали для артефакта невидимости столь... яркую и заметную форму?

Я держала в руках собственноручно связанный шарф, состоящий из множества разноцветных лоскутков, и настолько длинный, что даже обернутый несколько раз вокруг шеи он спускался почти до самых колен.

Напомнив себе о необходимости сохранять спокойствие, я накинула на себя шарф и, отойдя к окну, уселась на подоконник, наслаждаясь разворачивающимся представлением.

— Нынешние студенты такие претенциозные, — заявил Рейнеке, потягиваясь.

— Вы были такими же, Грегор, — заметил профессор Морики, вставая. — Так, давайте сделаем небольшой перерыв и перекусим. Обсуждать оценки студентов лучше в благодушном и сытом состоянии.

— Вы слишком о них печетесь, — сказал декан, перекладывая мою диссертацию к остальным.

Все засобирались, тихо переговариваясь и обмениваясь впечатлениями о студентах. Секретарь покашляла, привлекая внимание руководства.

— Простите, а что насчет студентки Вернер?

— А, та милая светловолосая девушка! — кивнул Хайнц. — Кстати, не помню, чтобы она выступала. Разве она не в группе с вашим племянником, Мартин?

— Именно так, — невозмутимо ответил Шефнер, все еще сидевший на своем месте.

— Так позовите ее! — нетерпеливо сказал Рейнеке.

Секретарь покраснела.

— Она уже указана в протоколе как выступавшая.

— Что за чушь, — пробормотал декан Лигман.

Первым начал догадываться Морике. Он придвинул к себе стопку с диссертациями и, взяв мою папку в руки, сияя, продемонстрировал ее остальным.

— Ментальный артефакт невидимости! Вы понимаете, что это значит?!

Рейнеке нахмурился:

— И что же?

— Он сработал! Полагаю, София сейчас здесь и смеется над нами, стариками, которых так ловко удалось обвести вокруг пальца!

— Допустим, обмануть удалось не всех, — негромко сказал Мартин, подмигнув мне.

Декан, заметив, куда смотрит Шефнер, резко повернулся в мою сторону, провел рукой перед глазами, будто снимая паутину заклинания, и взгляд его прояснился.

— Студентка Вернер! Вы действительно смогли меня сегодня поразить!

В итоге разглядеть меня смогли все, кроме не владеющего магией секретаря.

— Идите сюда, София, — пригласил меня профессор Морике.

Я спрыгнула на пол и направилась к столам комиссии. И тут же обо мне забыли все, кроме ментального мага. Правда, в этот раз не окончательно.

— Тут только что была студентка с артефактом невидимости, куда она делась? — растерянно спросил заведующий кафедрой.

— Точно, была, — согласился профессор Лигман. Вновь взглянул на диссертацию в своих руках и хлопнул себя по лбу. — София Вернер! Ей снова удалось заставить нас забыть о ней?

— Она пришла в движение. Полагаю, в первый раз вы смогли ее увидеть, потому что она долго оставалась в статичном положении, — любезно подсказал Шефнер.

— Вы абсолютно правы.

Я сняла с себя шарф, опасаясь вызвать раздражение у комиссии. Вон, Рейнеке уже недовольно хмурится, раздосадованный, что его смогли дважды обдурить.

— А на вас почему чары не подействовали, господин Шефнер? — резко спросил он.

— Боюсь, чары студентки Вернер не настолько хороши, чтобы подействовать на ментального мага, — снисходительно ответил Шефнер, вызывая раздражение уже у всех. — София, сколько человек одновременно может охватить ваш артефакт?

— Около десяти, но если объекты — маги, то меньше, — призналась я. — И на расстоянии не больше двадцати метров.

— Другие ограничения? — Мастер Рейнеке выхватил шарф у меня из рук и едва ли не начал его обнюхивать.

— Чары нужно запустить магическим импульсом и возобновить не позднее чем через три часа.

В другой конец шарфа плотоядно вцепился Хайнц, и я теперь всерьез опасалась за судьбу своего изделия.

— То есть пользоваться артефактом может не только маг, но действовать самостоятельно он долго не способен. Весьма неудобно, — заметил Шефнер.

— В будущем срок работы можно будет увеличить в разы, — кинулась защищать я

любимое детище. — И даже сделать чары самоподдерживающимися!

Во взгляде менталиста отчетливо можно было прочесть: «Ну и дура!», поэтому я поспешно отвернулась от него.

— Не могу понять принцип работы, — пробормотал Рейнеке. — Вроде и похоже на руку мастера Вернера, но чем-то отличается. Почему чары не рассыпаются?

— Фактически это не один артефакт, а несколько соединенных между собой, будто лоскутки. Каждый из таких лоскутков несет свою функцию, — объяснила я. — Такой принцип можно использовать, если надо зачаровать большой и технически сложный объект вроде автомобиля.

Похожие чары я увидела впервые на автомобиле Шефнера, но, судя по неожиданно острому и холодному взгляду Рейнеке, военное министерство знало о подобном стиле и само охотно использовало его. А ведь нам не преподавали ничего подобного, да и дед мне не рассказывал...

— Полагаю, мастер Рейнеке имеет в виду, что никому еще не удавалось проделать подобный трюк с ментальной магией, — пояснил декан. — Какие горизонты это может открыть перед артефакторикой...

— Я не уверен, что артефакт студентки Вернер кто-либо сможет повторить, — сказал профессор Морики. — Мы с Августом учились когда-то вместе, и одной из особенностей его работ было то, что даже наш учитель не мог точно воспроизвести его чары. Август никогда не мог похвастаться большими силами, но зато по тонкости чароплетения ему не было равных. София явно унаследовала способности своего деда, но при этом имеет гораздо больший магический резерв.

Теперь плотоядно смотрели уже на меня — и Хайнц, и Рейнеке. И только взгляд профессора Морики был несколько грустным, будто он уже попрощался со мной.

— Вы несколько преувеличиваете... — осторожно заметила я, косясь в сторону двери. Подобного «успеха» я не ожидала, как и такой подставы от своего любимого профессора. А ведь я ходила к нему советоваться, как сделать так, чтобы артефакт не затерялся где-то в подвалах министерства. И Морики убедил меня, что университет будет на моей стороне! Ну да, артефакт, может, и удастся спасти. Но как бы самой не попасть в эти самые подвалы министерства. — Я пойду, да?

— Идите, — благодушно кивнул мне декан. — Так, мы, кажется, хотели устроить небольшой перекус?

Я поспешно выскочила из зала собраний, оставив свой шарф на поживу комиссии. Все равно без меня он работать не будет — не из-за каких-то моих мифических способностей, а из-за защитных чар, снять которые без моей помощи нельзя.

— Ты куда так мчишься? — спросил Петер, увязавшись за мной.

— Подальше отсюда.

— Ты что, завалила защиту?!

Ответить я не успела — меня окликнул мастер Рейнеке. Нам пришлось остановиться.

— Студент Шефнер, оставьте нас, — приказал министерский артефактор.

Петер нехотя отошел, оставив нас наедине.

— Декан Трогар сказал, что вы попросились к нему на стажировку в департамент магических изобретений.

— Так и есть.

Эту идею мне подсказал опять же Морики, хотя я вообще не хотела связываться с

официальными структурами. Департамент, по крайней мере, гораздо менее мрачное место, чем военное министерство или СБ. Я многому могла бы там научиться, а по окончании учебы спокойно уйти оттуда и отправиться в свободное плавание.

— Я хотел вам предложить стажироваться у нас.

— У вас не работают женщины-артефакторы, — озвучила я вполне общеизвестный факт.

— Бросьте! — Рейнеке крепко схватил меня за локоть и потащил куда-то за собой. — Пора распрощаться с устаревшими взглядами. Никто ведь не отправит вас на поле сражения! Вы знаете, что ваш дед тоже когда-то вполне успешно с нами сотрудничал? Мне довелось поработать с ним некоторое время, и в благодарность за его покровительство я бы хотел помочь и вам. Департамент изобретений — сборище чудиков и фантазеров, все самое интересное создается совсем в других стенах! Лучшие мастера работают на нас! Когда вы присоединитесь к нам...

Я уперлась ногами в пол, заставив Рейнеке затормозить. Но мою руку он так и не выпустил.

— Отказываюсь, — сказала твердо. — Пожалуйста, отпустите меня. Я очень устала и хочу немного отдохнуть.

— И правда, Грегор, — раздался насмешливый голос. — Отпустите девушку, а то люди дурно о вас подумают.

Впервые я была так рада видеть Шефнера-старшего. И довольно скоро об этом пожалела.

— Студентка Вернер уже подписала договор о сотрудничестве с моей службой, — заявил этот невозможный тип, приятно улыбаясь.

Воспользовавшись тем, что Рейнеке немного растерялся, я высвободилась и отошла в сторону, исподлобья глядя на менталиста.

— Вернер мне сказала, что собирается стажироваться в департаменте, — возразил артефактор. Так что, боюсь, ты что-то напугал, Мартин.

— София тебе так сказала? Боюсь, что она соврала. Я попросил студентку Вернер пока не распространяться о заключенном между нами контракте.

Я открыла было рот, чтобы высказать свое возмущение, но поняла, что просто не могу произнести ни слова. Будто я вовсе забыла, как должна звучать человеческая речь. Проклятый менталист наложил на меня заклинание!

Между тем Шефнер пошел еще дальше. Откуда-то из рукава он достал свернутую бумагу и продемонстрировал ее Рейнеке.

— Можешь посмотреть. Все подписи есть, и даже заверено профессором Морики.

Тот развернул бумагу и скривил лицо.

— Так вот почему ты здесь. Значит, СБ уже давно курировала этот проект?

— Неужели ты думаешь, что я оставлю разработки в области ментальной магии без внимания? — высокомерно вскинул брови Шефнер.

Рейнеке фыркнул и ушел не попрощавшись. Теперь уже Шефнер, так и не удосужившись снять заклинание, схватил меня за руку и повел за собой. Мне повезло, что нас никто не увидел, иначе слухов бы я точно не избежала. Заглянув в одну из аудиторий и убедившись, что в ней пусто, он затащил меня туда и, закрыв за нами дверь, освободил меня от ментального воздействия.

Я села за одну из парт и положила тяжелую голову на стол. Прикосновение прохладного

дерева к горячей коже было приятным. Я в одночасье лишилась почти всех сил, и даже злость на менталиста была какой-то вялой. Все происходящее казалось каким-то дурным сном. Совсем не так я представляла свою защиту...

— София, у вас все хорошо?

— Нет, — ответила я грустно. — Мне хочется умереть. Вот зачем вы так со мной, господин Шефнер?

— Ах, так вы просто вздумали предаться сплину, — хмыкнул менталист. — Простите, что использовал на вас принуждение. Вы не оставили мне другого выбора.

— Не прошу, — вяло ответила я. — Не хочу вас видеть. Уходите. И на стажировку я к вам не пойду, даже если меня отчислят. Уж не знаю, что за документ вы там показывали Рейнеке, но лично я ничего не подписывала и не подпишу.

— София, глупый вы ребенок.

Маг осторожно коснулся моих волос. Я поспешно выпрямилась, глядя на него круглыми глазами.

— Что вы делаете?!

Шефнер довольно улыбнулся.

— Ну вот вы и пришли в себя. А то я подумал, что вы снова решили поспать в моем присутствии. Я, конечно, весьма благодарен, что вы так мне доверяете, но сейчас мне нужно все ваше внимание.

— Я вас очень внимательно слушаю! — прошипела.

— Вы понимаете, что несколько минут назад я вытащил вас из огромных неприятностей? Военное министерство совсем не то место, где вы сможете приятно проводить время, оттачивая свой талант.

— А ваша контора, значит, лучшая альтернатива ВМ? И департаменту тоже?

— Департамент вас не защитил бы, — маг положил руки на стол и склонился ко мне, наши лица оказались на одном уровне. Я еще никогда не видела Шефнера так близко. Вот, к примеру, небольшую родинку на правом виске я раньше не замечала. Как и небольшую асимметрию глаз. Именно из-за нее мне всегда было сложно понять, с каким выражением он смотрит на меня. Правая половина лица казалась вполне добродушной, а левая — какой-то зловещей. — Что вы на меня так смотрите?

Я моргнула, приходя в себя.

— Да так... Что вы там говорили?

Теперь лицо Шефнера было зловещим полностью.

— Я сказал, что департамент не защитит вас. Неужели вы думаете, что если я смог надавить на декана, то Рейнеке или Хайнц не сделают то же самое?

— О чем вы говорите? Вы угрожали нашему декану?! — возмутилась я.

— Здесь даже угрожать не пришлось, — поморщился Шефнер. — Лишь кое о чем напомнить.

— Вам-то зачем сдался мой артефакт, если вы его обходите с такой легкостью?

— Дело не в артефакте, и Рейнеке это понимает, а вскоре поймет и Хайнц. Для студенческой работы ваш шарф более чем хорош, но, помимо иных принципов действия, он не намного удобнее тех, что имеются в наших военных структурах. Гораздо более интересным представляется ваше умение работать с ментальной магией и создавать чары на ее основе. — Он приблизил свое лицо ко мне и выдохнул почти в мои приоткрытые от изумления губы: — У меня огромное искушение присвоить вас себе полностью. Спрятать от

чужих глаз и узнать, на что же вы способны в хороших руках.

— А хорошие руки — это ваши? — дрожащим голосом спросила я.

Шефнер отстранился и вздохнул.

— Прозвучало несколько двусмысленно, соглашусь. Просто я расстроен, что именно вы... Да не важно. Ничего уже не поделаешь.

— Не поделаешь с чем? Что такого с этой ментальной магией? Менталистов, конечно, немного, но им-то никто не угрожает, и никто их не преследует!

— Если вы не заметили, милая София, — уже будничным тоном сказал Шефнер, скрещивая руки на груди, — то все менталисты работают на госструктуры независимо от силы дара. Уж слишком опасно наше умение. Опасно и непредсказуемо. Хотя бы тем, что отследить и проконтролировать дар менталистов могут только другие менталисты, обычные же люди или другие маги тут бессильны. А вот вы, София, в потенциале способны создать артефакты, которые не только заменят ментальных магов, но и смогут отслеживать и контролировать ментальный дар. Когда Морике говорил об уникальности ваших способностей, он тем самым защищал вас от меня.

— Защищал? — эхом повторила я. — Чтобы я не попала в СБ?

— Чтобы я не убил вас, — совершенно спокойно сказал маг. — Предварительно, конечно, используя полностью ваши способности. Вы большая угроза для одних и в то же время большое искушение для других. Рейнеке, я думаю, уже мечтает о лаборатории, в которой клепают ментальные артефакты — контролирующие и подчиняющие... И направит он их не только на моих коллег, но и на тех, кого военное министерство не смогло завербовать иным способом. Представляете общество, где не будет тюрем и недовольных? Идеальное общество, которое вскоре обернется адом на земле. Правда, если верить Морике, массового производства у него не получится, так как дар ваш уникален. Поэтому наше государство в относительной безопасности. В отличие от вас. Так что настоятельно рекомендую сотрудничать со мной, София.

Шефнер смог меня напугать по-настоящему. Говори он так со мной до этого — и я бы забыла о своем желании показать всем свою исключительность. Но, судя по всему, было поздно. Однако нельзя позволить себя запугать, как и показать свою слабость. Иначе меня съедят и даже не поперхнутся.

— А чем вы лучше? — тихо спросила я.

— Тем, что я обещаю, что ваша стажировка останется стажировкой, а не превратится в узаконенную форму рабства. Будете приходить в наши мастерские два или три раза в неделю на протяжении двух лет, работать с нашими мастерами, учиться у них. А потом сможете уйти и заниматься тем, что интересно вам, а не государству.

— Вот так вот просто? — недоверчиво спросила.

— Конечно, нет. Вам и дальше придется сотрудничать с СБ на тех же условиях, что сотрудничает ваш дед. Эксплуатировать вас или принуждать к чему-либо я не намерен.

— А как же контракт, который вы подписали за моей спиной? — напомнила я.

— Ах, контракт, — темные глаза Шефнера лукаво блеснули. — Вот этот?

Он протянул мне ту бумагу, что демонстрировал до этого Рейнеке. Я посмотрела на пустой лист, перевернула его — тоже пусто. Подняла непонимающий взгляд.

— Что это?

— Рейнеке увидел что хотел. Конечно, может, позднее до него дойдет, что его обманули, но, надеюсь, мы с вами к этому времени уладим все формальные моменты.

Менталистские шутки. Отвратительно.

— Почему вы уговариваете меня? Промыли бы мозги, и все, — устало сказала я.

— В этом нет нужды. Вы ведь умная девочка. Зайдите завтра к декану. Я оставлю ему все необходимые документы на подпись. И хороших вам каникул, София.

Меня все-таки потрепали по голове и наконец оставили в одиночестве.

Уже у ворот университета меня поймал Петер.

— Ты вся бледная! Что случилось? — встревоженно спросил он.

— Кажется, меня только что завербовала СБ... Я буду проходить у твоего дяди стажировку.

— Так значит, он выполнил мою просьбу! — обрадовался Петер.

Я затормозила, медленно развернувшись к другу.

— В смысле — просьбу?

— Мне ведь тоже придется стажироваться в его конторе, а без тебя я бы совсем свихнулся со скуки.

Заставила себя успокоиться, напомнив, что во всех моих злоключениях виновата все же я сама. И Шефнер-старший, конечно.

— Это будут веселые деньки, я не сомневаюсь.

Петер был так захвачен своей радостью, что не услышал в моих словах сарказма.

— Кстати, результаты огласили — мы оба сдали! Пойдем отмечать?

— Пойдем, — послушно кивнула я.

— А на пикник ты завтра со мной пойдешь?

— Пойду.

А что бы и не пойти? Сейчас мне срочно нужно было на что-то отвлечься. А Петер всегда неплохо отвлекал меня от плохих мыслей и забот.

— А замуж за меня выйдешь? — коварно предложил друг.

— Вы... Ха, почти поймал! Это, кстати, уже пятнадцатое предложение руки и сердца от тебя. Может, пора уже сдаваться?

— Шефнеры не сдаются! — пафосно провозгласил Петер.

— Уже поняла, — проворчала я. И добавила кровожадно: — Да и я бы не стала брать пленных.

«Значит, господин Шефнер-старший, вы думаете, что я смогу создать защитный артефакт против ментальной магии? О, я надеюсь оправдать все ваши ожидания. Вы еще пожалеете, что навели меня на эту мысль...»

— Когда ты так улыбаешься, Софи, мне становится страшно, — задумчиво сказал Петер.

— Не бери в голову. Я просто задумалась о будущих проектах.

— Это-то меня и пугает... Но что бы ты ни придумала, можешь на меня рассчитывать!

Я порывисто обняла друга. До чего же Петер милый! Жалко, что его дядя на него совершенно не похож.

Мартин отказался от попойки, которую решил устроить декан факультета прикладной магии, сославшись на дела. На самом деле он ничего не планировал, но настроение было такое... противоречивое. С одной стороны, он добился чего хотел, но вот методы что-то не больно радовали. Напугал девушку, едва ли не сделался в ее глазах врагом. Вот уж действительно, произвел неизгладимое впечатление!

Вырулив в сторону дома, маг увидел своего племянника в компании Софи. Петер шел,

как всегда, активно размахивая руками и едва ли не подпрыгивая. Девушка же выглядела довольно подавленной и слушала Петера не слишком внимательно. Мартина кольнуло чувство вины. Он сбавил скорость, собираясь подвезти ребят, но Софи вдруг улыбнулась, а затем и вовсе обняла Петера.

— Эй, что за аморальное поведение! — возмутился Мартин вслух. Настроение из среднего сразу стало плохим.

Он отлично понимал, почему Петера привлекает София. Племянник рано лишился матери, но не сказать, что и до этого она у него была. Тереза, очаровавшая когда-то его брата, на поверку оказалась холодной сукой, которой было наплевать и на своего мужа, и на сына. Петеру, живому и умному ребенку, приходилось изворачиваться, чтобы получить хоть толику материнского внимания. Так что неудивительно, что Петер воспылал любовью к Софи, которая мало того что внешне была похожа на Терезу, так и еще вела себя почти так же. Но если за поведением матери Петера скрывался голый эгоизм, то Софи оставалась холодна к людям только потому, что была чрезмерно увлечена своими идеями и мыслями. Мартин понимал своего племянника — ее действительно хотелось поразить, увлечь. Заставить увидеть себя по-настоящему, как она смотрела на него в университете: не отрывая напряженного взгляда, ловя каждое его слово...

— Я схожу с ума, — пробормотал Мартин, осознав, что глупо ревнует юную Вернер к своему племяннику. — Нельзя смешивать личные дела с работой. А она для тебя теперь работа.

Он заставил себя остановиться у обочины и проводил парочку взглядом, пока они не исчезли за поворотом. А затем откинулся в водительском кресле, поднеся к лицу смешной пестрый шарф. Мартин чувствовал магию Софи, необычную, как и она сама. Неповторимую. А еще аромат духов: жимолость и лимон. Ему нравилось, как она пахнет. Впрочем, ему, кажется, нравилось в Софии Вернер все. Кроме ее дружбы с Петером.

И он совершенно не представлял, к чему это приведет. В отличие от своего племянника, Мартин предпочитал ко всему подходить с умом, а не руководствоваться слепыми чувствами. Жизнь его была спланирована на годы вперед. И да, он собирался жениться, рано или поздно. Но супругой своей видел женщину мягкую и терпеливую, которая не стала бы ему мешать и была бы почти незаметна. Порывистая и порой резкая Софи точно не подходила на эту роль, а сделать любовницей внучку мастера Вернера было и вовсе немыслимо — девушка этого просто не заслуживала.

Ей не было места в его жизни, но едва ли она хотела его получить. Вот только Мартин понимал, что его тянет к Софи с каждым разом все сильнее.

Контракт на стажировку в СБ оказался вполне типичным, что несколько успокоило мои страхи. Спустя неделю получила диплом бакалавра артефакторики, и уже со всеми сокурсниками — и закончившими обучение, и оставшимися в университете — отметили начало нового этапа для всех нас. Даже те, кто продолжил обучение, понимали, что как раньше уже не будет. Нас оставалось всего пять человек в группе, и видеться мы теперь должны были совсем редко: на практикумах два или три раза в неделю и на теоретических лекциях, проводившихся в основном со студентами других кафедр — алхимии, менталистики и целительства. Большая часть учебной нагрузки уходила на индивидуальную работу с научным руководителем, самостоятельные занятия и прохождение стажировки. Сторманн был завербован в военное министерство и чрезвычайно этим гордился, мы с Петером с ужасом и трепетом ждали стажировки в СБ, а двое других студентов, Мика Нидган и Вальдер Массган, попали под крылышко декана, в департамент магии. Этим я завидовала больше всего, ведь работать им предстояло с Айзеком и Маргрит Лехом, супругами и напарниками. А мне, кто достанется в учителя мне?

Но пока до начала учебы оставалось несколько месяцев, и я пыталась насладиться летними каникулами. Как выяснилось, отдыхать за годы учебы я совсем разучилась, и если бы не Петер, так и зачахла бы в тоске дома. Потому что дед просто-напросто закрыл мою мастерскую на замок, заявив, что мне нужно отвлечься от артефакторики. И даже более! Повторяю почти дословно: «Пока жениха домой не приведешь, о своей мастерской можешь забыть». Такого предательства от деда я не ожидала. Тем более что до этого он моей личной жизнью не интересовался.

Все началось с того, что он спросил, когда я наконец отвечу на предложение Петера. В первый раз я отшутилась, а потом ясно дала понять, что в качестве своего супруга Шефнера-младшего не вижу. Мне казалось, что дед успокоится и забудет эту тему, но на следующей неделе он, не спросив меня, пригласил в гости Хайнца с сыном. Генрих Хайнц оказался довольно вежливым и приятным мужчиной лет на семь старше меня. Мы вполне мило поговорили об артефакторике, обсудили знакомых мастеров... и расстались, совершенно не заинтересованные друг в друге. Жениться он желал не больше, чем я хотела замуж. Не скажу, что мужчины меня совсем не интересовали, но сначала мне хотелось хоть чего-то добиться в жизни самостоятельно, а уж потом думать о семье и детях.

После того как дед в очередной раз начал расхваливать сына еще одного своего «хорошего знакомого», с которым я обязательно должна сходить на свидание, я не выдержала.

— В чем дело, дедушка? Если ты больше не хочешь со мной жить, так и скажи, я съеду в университетское общежитие и больше не буду причинять тебе хлопот.

— Дело не в этом, — примирительно сказал дед. — Я беспокоюсь о твоём будущем. Тебя ведь совсем некому будет защитить и поддержать, если меня не станет. А ты знаешь, я не вечен.

Я стихла. Сколько себя помню, здоровье старого мастера всегда было слабым, а за последний год он и вовсе сдал, почти не выходил из дома и брался только за заказы господина Шефнера. Этого хватало, чтобы оплатить текущие расходы и даже отложить «на приданое», как говорил дед. И все же я видела: он боялся, что вскоре и вовсе не сможет

работать.

— Мне не нужен богатый муж, я вполне могу обеспечить себя. Да и защищать меня не от кого. У меня все хорошо, — жизнерадостным тоном сказала я, и бабушка, пусть и не слишком убежденный моими словами, на время от меня отстал.

Меня действительно все устраивало в моей жизни, и даже со стажировкой я смирилась, тем более что вместе со мной должен был быть Петер. Неприятности появились с неожиданной стороны.

Придя в первый день учебы в университет, я выяснила, что мне назначили нового научного руководителя. Без права отказаться от этой великой чести. Им стал Танас Шварц, который должен был вести у нас практику по военной артефакторике. Помимо этого, ему поручили курировать нашу группу. И — какое совпадение! — Танас Шварц оказался сотрудником военного министерства и до этого никакого отношения к преподаванию не имел.

Имя у мастера довольно мрачное, да и фамилия какая-то невзрачная, солдафонская. Представлялся сразу верзила с коротким ежиком волос и хмурым взглядом исподлобья. Как выяснилось довольно скоро, я все же ошибалась.

Мое знакомство с мастером произошло в первый же день учебы. Я стояла в дверях университетской мастерской, которую считала уже почти своей, и молча наблюдала, как какой-то мужчина, негромко напевая себе под нос бравурную мелодию, искал что-то среди инструментов, попутно сея хаос в тщательно выстроенной мной системе.

— Мастер Шварц? — решила уточнить я. Он выглядел не старше большинства магистров, но, судя по небрежно расстегнутому мундиру с эмблемой военных артефакторов на плече, это и был тот таинственный куратор из ВМ, о котором все говорили.

Я оказалась права в двух моментах — мастер Шварц был на самом деле высок, правда, чрезмерно худощав и нескладен, чтобы по-настоящему пугать. И у него действительно были совсем короткие волосы, рыжие и неровно обрезанные. И это были единственные волосы на голове. Ни бровей, ни ресниц. И следы ожогов на лице. Надо ли говорить, что артефактор своим видом произвел на меня неизгладимое впечатление?

Молодой мужчина выпрямился и смерил меня на удивление внимательным и серьезным взглядом. Глаза у него были серыми, спокойными и какими-то холодными. Несмотря на всю свою странную внешность, смешным он совсем не казался.

— София Вернер? Проходите. Вас не было на вводном занятии. Не думал, что у вас проблемы с дисциплиной.

Я несколько растерялась. Меня действительно не было на первой встрече с куратором. Во многом потому, что я очень соскучилась по своей мастерской и решила провести время за работой, а не на лекции про то, какая честь учиться в университете. Но также это был мой протест против попытки навязать мне научного руководителя. И Шварц, кажется, это отлично понимал.

— Проходите же, — нетерпеливо и резко повторил мастер. — И дверь за собой закройте.

Я послушно зашла, понимая, что влипла по уши.

— Не пугайтесь, я вас не съем. Вы мне нужны совсем в другом качестве. Вот, взгляните. Я хочу, чтобы вы мне сказали, что это такое и для чего нужно.

Он поставил на стол небольшой деревянный ларец. Подошла и заглянула внутрь.

— Я не разбираюсь в оружии, — предупредила, не прикасаясь к артефакту.

Шварц довольно осклабился. Ту гримасу, что появилась на его лице, улыбкой назвать было сложно.

— Но вы все же увидели, что это именно оружие, а не что-то другое.

На самом дне ларца лежала простая кожаная перчатка с обрезанными пальцами. И так густо увитая чарами, что чуть ли не искрилась. Обычный человек, конечно, ничего бы не заметил, но любой маг мгновенно оценил бы сложность этой вещицы.

— А что еще вы могли принести? Я просто догадалась.

— Не прибедняйтесь. Логично было бы предположить, что перед вами артефакт защиты, так как именно для таких чар чаще всего используют подобные предметы.

— А вот оружие из предметов гардероба хоть и пытались сделать, но не слишком в этом преуспели. Это ваш артефакт, мастер? — восхищение в моем голосе было совсем не поддельным.

— Да. Так что, хотите понять, как он работает, София?

Шварц все же смог меня заинтересовать. Аккуратно достала перчатку щипцами и положила на подставку, не обращая внимания на насмешливый взгляд куратора. Осторожность с незнакомыми артефактами — одно из главных правил для магов, желающих дожить до старости. Мало ли какой защитой Шварц снабдил перчатку.

Защита все же была, хоть самая простая и не смертельная. Скорее всего, болевой удар. Я посмотрела на Шварца, и он кивнул, разрешая ее снять. Это заняло у меня минут десять.

— Долго, — заметил мой научный руководитель, где-то уже разжившийся яблоком и раздражающе хрустевший им у меня над ухом.

— У вас необычный стиль плетения чар.

— Давай без оправданий. Если бы ты чаще работала над серьезными артефактами, а не над брошками и платочками для барышень, то справилась бы в два раза быстрее.

Я покраснела от возмущения. Да, я порой бралась за всякие пустяковины, чтобы набить руку, да и деньги лишними не бывают. Артефакты, улучшающие внешность, заказывали чаще всего, и работа над ними не занимала много времени. Но специализировалась я все-таки не на этом. Меня больше интересовали вещицы, облегчающие и улучшающие повседневную жизнь. Бытовая артефакторика, на мой взгляд, весьма перспективна. Несчастный «шарф невидимости» был первым и последним экспериментом, который мог бы заинтересовать военных.

Решив не отвечать на выпад, резко спросила:

— Вы не против, если я надену?

— Может, еще щипчиками потычешь? — съехидничал этот невыносимый человек.

— Мне нужно активировать чары, чтобы понять механизм работы. Не волнуйтесь, я буду осторожна.

— Тогда прощу.

Моя кисть почти утонула в перчатке, но потом она сжалась на руке, обтягивая ладонь, будто вторая кожа. Неприятное ощущение. Я закрыла глаза и сконцентрировалась.

— Ага! Огненные чары, — заявила я довольно. — Это так вы лишились растительности на лице?

— Нос зачесался, — вздохнув, признался Шварц. — Еле успел загасить удар, иначе вместо головы осталась бы головешка. Ты молодец. Хочешь увидеть артефакт в работе?

— А можно?

Мне не терпелось опробовать перчатку, будто ребенку, получившему неожиданный

подарок. Да-а-а, каким бы человеком Шварц ни был, как маг он все же великолепен. Мой дипломный артефакт выполнен довольно тонко и искусно, но лаконичная простота и эффективность работы Шварца впечатляла намного больше. Сколько элегантности в этих чарах! Неудивительно, что этот молодой маг уже заслужил ранг мастера.

— Можно, — я почти услышала улыбку в голосе Шварца, — поехали на полигон. Я тебе покажу кое-что еще из того, над чем работаю. У меня есть такая штуковина...

— На полигон? — Я открыла глаза и со всей осторожностью стянула перчатку. — Нет, спасибо.

Шварц сразу уловил изменение моего настроения. Сощурил серые глаза, задумчиво разглядывая.

— Маленькая недоверчивая мышка. Так и собираешься всю жизнь просидеть в норке? До чего же он раздражает! Я нахмурилась.

— Вы ничего не знаете обо мне, мастер.

— Я знаю твоего деда. Я был его первым и последним учеником. Не считая твоей матери, конечно. Не веришь?

— Вы слишком молоды.

— У меня рано проснулись способности, но в моей семье не было магов, так что учиться мне было не у кого. Твой дед приходил к нам и учил меня основам чароплетения на протяжении трех лет с тех пор, как мне исполнилось десять.

— Уверена, что сейчас вы не ходите у моего деда в любимчиках.

Шварц поджал губы.

— Почему это?

«Иначе бы тебя уже пригласили в дом в качестве моего жениха». Конечно, я не сказала это вслух. Мне и так не нравилось, что мастер Шварц легко нарушает дистанцию, что должна быть между учителем и ученицей. Меньше всего мне хотелось обсуждать с ним свою семью.

Вместо этого пожала плечами.

— Как бы то ни было, София, не надо видеть в моем предложении злой умысел. Ты думаешь, что злые вояки решили использовать тебя, и стоит только попасть в стены министерства, оттуда уже не выпустят. Наверняка Шефнер тебя этим и напугал.

— Я уже сказала, что мне неинтересны военные игрушки...

— Игрушки! — воскликнул Шварц возмущенно, стукнув по столу и заставив меня вздрогнуть. — Ты хоть понимаешь, что эти игрушки могут спасти жизнь твоим друзьям и близким? Нам с тобой повезло родиться в мирное время, но мастер Вернер, думаю, помнит, в какой разрухе находилась наша страна после войны с алертийцами. Войны, которую мы проиграли. Сколько земель было потеряно, сколько людей тогда погибло... И во многом потому, что артефакторы и алхимики тратили свои силы и умения, чтобы создавать декоративные безделушки и духи для императорского дворца! Расцвет искусства и магии при Кассии обошелся нам дорого.

— Сколь вдохновенная речь, Танас! Вам за это доплачивают?

Услышав знакомый низкий голос, я вздохнула почти с облегчением. Шефнер. А потом поняла, что дверь была закрыта и подслушать наш разговор менталист никак не мог.

Мартин Шефнер стоял, прислонившись к дверям. На его шее красовался знакомый шарфик.

— Подслушиваете? — оскалился Шварц.

— Да вот, решил занести шарфик на факультет, а потом увидел, как в мастерской моей ученицы хозяйничает Танас Шварц. Неужели у министра Гайне маги столь бесталанны, что пытаются своровать работы у студентки?

— С этого года я преподаю на факультете и имею полное право здесь находиться, — процедил артефактор.

— Тогда вам не пора, к примеру, идти составлять учебный план?

Шварц напрягся. Рука его скользнула к карману военных брюк.

— Ну-ну, — тоном, которым обычно успокаивают норовистых лошадей, сказал глава СБ. — Здесь же ваша студентка, какой пример вы ей подаете?

Шварц кинул на меня мрачный взгляд и вышел.

— Нервы у Танаса ни к черту, — легкомысленно сказал Шефнер. — Неплохо же их там накручивают... София, раз мы уж с вами тут случайно встретились, предлагаю выпить где-нибудь кофе и обсудить планы на вашу стажировку.

Случайно встретились в моей мастерской? Так теперь это называется? Ну-ну...

— У меня еще пары.

— Ничего у вас нет, не придумывайте.

Вот не поленился же в расписание моей группы посмотреть!

Занеся мой артефакт в хранилище, куда помещали все студенческие работы, мы вышли из здания. Автомобиль главы СБ был припаркован рядом, но мы прошли мимо.

— Пойдем пешком?

— Здесь недалеко. Да и мне приятно пройтись в компании милой молодой девушки.

На всякий случай немного увеличила расстояние между нами, а то захочет еще взять под ручку. Поняв мой маневр, мужчина насмешливо выгнул бровь.

— Я не собираюсь приставать к вам, София. Вы слишком юны для меня.

— И всего-то лет на десять-пятнадцать младше, — думая о своем, автоматически ответила я.

— Ну ладно, уговорили... — Уловив испуг в моих глазах, Шефнер-старший не выдержал и рассмеялся. — Ах, Софи, у меня такое ощущение, что раньше вы жили в хрустальной башне.

— Что вы имеете в виду? — нахмурилась я.

— Вы совершенно не умеете флиртовать и принимать ухаживания. Мне даже жаль своего племянника.

Пожала плечами.

— В детстве у меня не было друзей моего возраста. Пока еще родители были живы... — Горло сжало от болезненных воспоминаний, но я договорилась: — Пока жива была мама, она была моей лучшей подругой, а папа — напарником для проделок и хранителем всех тайн. Знаю, дедушка не очень жаловал его, считая, что папа был безответственным и много пил, но он на самом деле любил меня.

— Мне жаль, что вы их потеряли.

Это были не сухие слова, приличествующие ситуации, или попытка утешить — Мартин Шефнер в этот момент был искренен как никогда. Я вспомнила, что та эпидемия, которая унесла жизнь моего отца, убила и его старшего брата.

— У меня есть дедушка.

И Петер. Я не стала говорить об этом Мартину Шефнеру, но меня внезапно пронзила мысль, что Петер — мой первый и пока единственный друг. И что он мне на самом деле

дорог.

Осенний день выдался на удивление погожим и солнечным. Мы шли в тени высоких кленов и говорили так легко и просто, что я почти забыла, кем был мой спутник. Рядом со мной находился интересный и умный мужчина, умеющий внимательно слушать и смотрящий на меня с симпатией. Мы дошли до небольшого гостиного дворика, уютного, но для студентки дорогого. Мне совсем не хотелось напоминать Шефнеру, для чего он меня пригласил. И говорить о делах тоже. Но уйти от неприятных тем совсем все же не получилось. Разговор наш в какой-то момент коснулся политики, и я задала вопрос, который больше всего волновал меня после речи Шварца.

— Почему министерство так заинтересовано во мне? И вы тоже?

— Во-первых, хорошие артефакторы на дороге не валяются. Во-вторых, и я это уже говорил, вам нечего делать в министерстве, пока во главе его стоит Гайне.

— Защищаете меня, значит, — скептически подытожила я.

— Не бурчите, — с легкой улыбкой сказал Шефнер и подцепил вилкой маринованную вишенку с верхушки моего пирожного. Я со страдальческим видом проводила ее взглядом, но на мага это не произвело впечатления.

— А что не так с Гайне? Император же к нему прислушивается.

— Вот это-то и плохо. Военный министр, как и ваш несдержанный научный руководитель, спят и видят, как Грейдор восстанавливает историческую справедливость, возвращая земли, которые считает своими, попутно потребовав с Алерта контрибуцию.

— Войны, они хотят войны? — взволнованно воскликнула я.

— Очень проницательно, — заметил Шефнер.

— Не говорите с набитым ртом, мастер...

Вообще-то я не собиралась называть Шефнера мастером — так артефакторы звали только своих да алхимиков, но менталисту, судя по всему, такое обращение понравилось. И я не стала исправляться.

— Ну так вот, — продолжил Шефнер, утонченным жестом промакивая губы салфеткой. — Конфликт с нашими соседями, республикой Алерт, по мнению Гайне, дело перспективное и прибыльное, тем более что повод найдется, и не один. Но для того чтобы обеспечить себе успех, а также сохранить благосклонность императора, министру нужно доказать, что у нас есть кому и чем воевать.

А ведь действительно, военной пропаганды в последние годы стало чудовищно много. Даже не интересуясь политикой и новостями, я не могла этого не заметить. И количество мест на инженерном факультете увеличилось почти вдвое. А какая война обходится без военной техники? Наш факультет тоже, думаю, увеличили бы, вот только магов в Грейдоре как было мало, так и осталось.

— В прошлом году Гайне пытался провести закон, что бы всех магов объявили едва ли не собственностью империи, обязав каждого служить почти до самой смерти. Император едва его не поддержал. Хорошо хоть канцлер смог переубедить нашего сиятельного правителя.

Об императоре Шефнер говорил с плохо скрытым презрением.

— Хватит разговоров о политике, — внезапно очнулся менталист. — Просто старайтесь слушать Шварца с присущей вам рассудительностью, если не хотите стать винтиком в огромной военной машине.

Мартин Шефнер явно хотел сказать что-то еще, но, видимо, передумал. Он наверняка

знал о планах Гайне гораздо больше, но то ли решил не пугать меня, то ли счел не очень надежной. Да разве можно его в этом упрекнуть, если военный артефактор на самом деле смог произвести на меня впечатление?

Меня пугали мысли о войне, поэтому я выкинула их из головы. Шефнер внезапно вспомнил о моей стажировке, обрисовав мне, как она будет проходить. Все было довольно сносно, не считая того, что с Петером на стажировке мы вряд ли будем пересекаться.

— Ну почему? — почти заныла я, но, наткнувшись на строгий взгляд Шефнера, попробовала обратиться к логике. — Нам выделили одно время для прохождения стажировки, и мы вполне могли бы работать с Петером над общим проектом.

Менталист нахмурился.

— Ваши способности довольно сильно различаются, как и специализация. Это будет неэффективно для вас обоих.

— Мы привыкли работать вместе, — возразила я. И тут пришло понимание. — Вы все еще считаете, что я могу соблазнить Петера? Это же смешно! Он мой друг.

— Вот только мой племянник так не считает. Будьте умницей, София, и не занимайтесь самообманом, играя в дружбу. Мальчики не дружат с девочками, взрослые, по крайней мере. Если, конечно, за этим не стоит что-то еще.

А как все начиналось! Я ведь даже сочла Мартина Шефнера почти приличным человеком.

— Вы всегда видите во всем самое плохое, господин Шефнер, — отрывисто сказала я. — Если вы не способны просто общаться и дружить, не ища в этом выгоду, или еще хуже — видя какую-то пошлость, это совсем не значит, что остальные люди такие же.

Встала, нервно натягивая перчатки. Эх, мне бы сюда перчаточку Шварца — сейчас с удовольствием оставила бы вместо менталиста кучку пепла. Меня задел даже не смысл слов, а властный и снисходительный тон, которым Шефнер их произносил.

Я почти вышла из обеденной залы, но тут же вернулась уточнить:

— Надеюсь, за десерт платит ваша контора?

Мне не хотелось быть в долгу у Шефнера, но денег в кармане осталось только на проезд на трамвае.

— Идите, София, — утомленным голосом сказал маг, не глядя в мою сторону. — Я, может, и злобный циник, но брать деньги со студентки за пару пирожных — перебор даже для меня. Бюджет моей службы переживет эти траты.

Удостоверившись, что Мартин Шефнер не собирается платить за меня из своего кармана, я немного успокоилась. Пусть траты были для него и небольшие, но позволить ему думать, что я принимаю от него хоть что-то, мне не хотелось. До чего же все-таки неприятный тип. И как только Петер умудрился вырасти в приличного человека при таком-то дяде?

Мартин заказал себе кофе с бренди и меланхолично уставился в окно. Девушка как раз вышла на крыльцо и, порывшись в ридикюле, достала портсигар. Прикурила, как будто даже от пальцев, хотя маг был уверен, что где-то в ладони спрятан хитрый артефакт. Молодые маги часто любили применять искусство там, где можно было обойтись, к примеру, спичками.

София затянулась дымом и закашлялась. Вот же чертовка! Знает наверняка, что он наблюдает, и все равно его провоцирует!

— Сделаю вид, что не заметил, — проворчал Мартин.

Принесли кофе. Бренди в нем было маловато.

Менталист сам был не рад, что так жестко отреагировал на слова Софи. Он отлично знал, что она не будет соблазнять Петера ради развлечения или чтобы выгодно выйти замуж. Но как бы сам Мартин ни насмешничал над племянником, доводя его до белого каления, он хорошо знал, что стратегия долгой осады, которую Петер применял к Софи, вполне может оправдаться. Поэтому лучше держать неугомонного племянника подальше.

Хорошо еще не успел сказать, что бóльшую часть ее стажировки собирался курировать сам. Если у девочки есть способность создавать ментальные чары, ей стоит развивать ее, а для этого нужно знать основы менталистики. Видимо, раньше София готовилась по учебникам, а одними книгами тут не обойдешься.

Вот только в свете их разговора новость о том, что он лично будет с ней заниматься, пожалуй, прозвучала бы дурно. София неправильно бы его поняла. А может быть, наоборот, слишком правильно. Следовало признаться самому себе: его интерес к юной чародейке был более чем личным. Дело не в его благодарности мастеру Вернеру, не в ее полезном таланте. И даже забота о будущем Петера была лишь предлогом, чтобы заговорить с Софи тогда, в парке. Нет, все это тоже было важным. Не будь этих обстоятельств, он бы не заинтересовался девушкой со смазливym личиком, которая крутилась вокруг его племянника. Не захотел бы узнать ее лучше. И не вляпался бы в ловушку.

«Я не избалованный мальчишка, чтобы идти на поводу у своих чувств», — напомнил себе Мартин. Не стоило торопиться сближаться с Софи, нужно дать себе время разобраться в том, что с ним происходит. Год. Если за эти месяцы его интерес к девушке не утихнет, то он может перестать искать повод увидеться с ней и начать серьезные ухаживания.

Конечно, это не значило, что он не будет приглядывать за ней. Мысль, что ее могут увести у него из-под носа, не просто раздражала, а почти приводила в ярость. Кажется, это называется ревностью. Еще одно незнакомое чувство, с которым ему пришлось познакомиться благодаря сероглазой не улыбочивой девушке, которой он так неосторожно позволил наступить на свое сердце.

Я стояла под дверями кабинета главы Службы безопасности, ожидая, пока тот соизволит меня принять. Наконец дверь открылась, выпуская из кабинета двух сомнительного вида мужчин. Уверена, одного из них я видела на старом плакате «Их разыскивает полиция». Заметив мой взгляд, мужчина вежливо кивнул и самым доброжелательным тоном пожелал удачи. Э-э-э, он намекает, что она мне понадобится для встречи с Шефнером?

— Входите, фрейлейн, — поторопил меня секретарь, на мгновение оторвавшись от бумаг.

Я, обреченно (но тихо, не дай бог, Шефнер услышит) вздохнув, вошла в эту обитель зла. Зло было явно не в духе и видеть меня было не слишком радо. Сухо поздоровавшись со мной, маг пододвинул мне бумаги на подпись.

— Еще документы о секретности? Я же подписывала, — растерянно сказала, ставя свои каракули на листах.

— Это для допуска в архив.

— Архив? — переспросила непонимающе. Мне сразу представился подвал с уходящими вдаль полками, забитыми документами до самого потолка.

Шефнер не вдавался в подробности, чем мне придется заниматься во время стажировки, но сулил что-то весьма интересное. Архив точно не звучал интересно. Неужели он решил так меня наказать за непочтительность?

— Да, архив. Идите, вас уже ждут.

Вот и все. Ни попытки меня поддеть, ни даже улыбки. Так вот каким был Шефнер в качестве руководителя службы! Спорить с ним или задавать вопросы совершенно не хотелось. На выходе меня все-таки окликнули. Мента-лист тер переносицу, глядя на меня с каким-то трудноопределимым выражением на лице. Что-то мученическое, как будто терпеть меня у него уже не было сил.

— София, вы бы хотели продолжить свои эксперименты с ментальными чарами?

Хотела бы я? От этого было много проблем, но...

— Мне это интересно.

— Тогда я подберу вам наставника среди наших менталистов, и вы будете заниматься с ним раз в неделю.

— Вместо архива? — с надеждой спросила я.

— Дополнительно к архиву.

Меня собирались завалить горами бумаг, упрятать далеко, будто ненужную вещь, которую жалко было выкидывать или отдавать другому...

Я робко спросила у секретаря, как мне дойти до архива, и получила быстро нарисованный от руки план. Трехэтажное здание СБ больше всего походило на муравейник и строилось архитектором, до этого, видимо, специализировавшимся на лабиринтах.

В коридорах было пусто и тихо, а заглянуть в один из кабинетов, чтобы спросить дорогу, я опасалась. Мало ли кто мне попадется или что увижу? В итоге у обитых металлом дверей архива я была лишь через полчаса. Нажала звончок и терпеливо стала ждать, когда впустят.

Спустя почти бесконечность окошечко на двери открылось.

— Документы, — зловеще прошептали по ту сторону двери.

Я протянула бумаги, и окошечко с лязгом захлопнулось. Спустя еще минут пять мне открыли. В тусклом свете лампочки я разглядела сухонького старичка в очках с толстенными линзами.

— Фрейлейн Вернер, рад вас видеть, — прошептал старичок. — Я Замалей Коринф, местный архивариус.

— Я буду работать с вами? — столь же тихо спросила я, пока господин Коринф закрывал за мной двери.

— Нет, с мастером Ульриком. Он ваш коллега и отвечает за отдел находок.

А-а-а, так я все же попаду в некую версию нашего университетского хранилища. Уже лучше.

— А что, вам приносят утерянные вещи?

— Ну как утерянные... — уклончиво ответил архивариус.

Архив одновременно исполнял роль и непосредственно склада документов, и хранилища для улик, потерявших свою актуальность, и собрания всего странного и опасного. То, что попадало в последнюю категорию, агенты СБ тащили в отдел находок, чтобы в дальнейшем руководство могло решить, что делать с найденным, конфискованным, а то и вовсе украденным ради блага государства. Все это мне уже объяснил мастер Ульрик Ногг, тоже уже немолодой и потрепанный жизнью маг, подозрительно сильно мне обрадовавшийся.

— Вы не представляете, сколько у меня работы. Конечно, местные крысы...

— Крысы?! — воскликнула я, приподнимая юбки и прислушиваясь, не шуршит ли что в темных углах комнатки, где мы с мастером расположились.

— Крысы — это я про агентов. Те еще... Так вот, тащат они нередко всякий хлам со всех уголков империи, а то и откуда подальше. Обычно ерунду всякую, не стоящую внимания. Но иногда приносят и кое-что интересное и опасное. Видите?

Он горделиво продемонстрировал мне левую руку, на которой отсутствовала пара пальцев.

— Алертийская игрушка, артефакт с алхимической начинкой. Я как чары снял, так она и рванула... А вы, кстати, военный артефактор, да?

— Ни в коем случае, — кисло ответила я.

— Жаль, — вздохнул мастер Ногг. — Но вы не бойтесь, мне босс крепко-накрепко запретил подпускать вас к тому, что может причинить вашим пальчикам вред.

Мне стало обидно. Поработать с чужими изобретениями было бы интересно, но мне, судя по всему, будут подсовывать всякий хлам.

— Я хороший артефактор, лучший на курсе. И уже работала с опасными артефактами!

— Тогда другое дело! — жизнерадостно воскликнул Ногг. — У меня есть парочка игрушек, предназначение которых так и осталось для меня секретом. Возможно, вы сможете что-то увидеть свежим взглядом...

Это были не находки и даже не игрушки. Это были сокровища — правда, в основном сломанные или разобранные. Но где бы еще я смогла увидеть последние разработки алертийцев, роанцев и такайцев в бытовой и военной артефакторике? Разве только в военном министерстве.

Один артефакт меня заинтересовал особо. Простой браслет из меди, украшенный цветными стеклышками. Очень старый, но на удивление прочный. Явно не наш способ плетения и даже не алертийский. Такайская работа, но не самая типичная.

— Не оружие, не защита и даже не целительский артефакт. Уже второй месяц голову ломаю, к чему отнести, — пожаловался мастер, заметив мой интерес.

— К защитным, — коротко сказала я, борясь с желанием незаметно положить браслет себе в карман и унести. — Это ментальный артефакт защиты.

Именно над подобным я работала у себя дома, ища способ противостоять одному весьма наглому менталисту. Но пока, к сожалению, без впечатляющих результатов.

— Ментальный? Да ну, таких не бывает, — отмахнулся Ногг, хотя глаза его заблестели от любопытства.

— Если бы вы привели ко мне ментального мага, я бы вам показала, как он работает.

— Это мы мигом организуем!

— Мигом не надо. Чары не напитаны, да и нужно понять, как их активировать. Артефакт долго был в нерабочем состоянии.

В итоге я пообещала мастеру разобраться с браслетом к следующей неделе. Как выяснилось, несколько поспешно — мне понадобился месяц, чтобы во всем разобраться. Артефакт за пределы архива выносить запретили, а помимо стажировки, у меня была куча других дел.

Во-первых, моя подработка. Дед по состоянию здоровья не мог больше работать, и я, чтобы не залезать в запасы, брала на себя те проекты, которые он не успел доделать. В том числе и от Шефнера. Ну а что? Я все равно подписала документы о секретности, да и дед всегда руководил моей работой.

Во-вторых, учеба. И вроде бы занятий было совсем ничего, но Шварц вцепился в меня как клещ. За каждый пропуск лекции или практики по военной артефакторике, которую он вел, я должна была писать объяснительную. О том, чтобы не прийти на индивидуальные занятия в мастерской, и думать нельзя — с него бы стало лично притащиться ко мне домой и пинками загнать в университет.

Если этого неуживчивого и агрессивного типа выбрали для того, чтобы рекрутировать меня в военное ведомство, они сильно ошиблись. Я бы лучше отправилась в ад, чем стала его коллегой! Хотя артефактором, признаюсь, он все же был отличным. Качество плетений его чар просто поражало! К тонкой работе, позволявшей мне видеть и создавать ментальные чары, Шварц не был способен, зато прочности его плетений мне оставалось завидовать.

— Не важно, сколь хорошую и сложную работу ты делаешь, если любой маг может легко ее разрушить парой магических импульсов, — сказал он мне в самом начале наших занятий.

Над этим мы с рыжеволосым мастером в основном и работали. Он показывал мне разные варианты защиты и ловушки, которые должны были сделать мои артефакты неуязвимыми для внешнего воздействия, а также учил меня создавать чары более прочными. Способ тренировки артефактор выбрал самый суровый. К каждому нашему занятию я готовила несколько болванок с простыми чарами, укрепляя их и окружая защитой, будто броней, а Танас Шварц мои плетения разрушал. И после каждой неудачи тыкал меня носом в ошибки, доводя едва ли не до слез.

На одном из практикумов я все же разревелась, стоя над глиняными обломками. И впервые увидела своего преподавателя растерянным и напуганным. Чем дольше я рыдала, тем более беспомощным становилось его лицо.

— Ну что ты, Софи... Я же не со зла, так нужно. Я бы не стал так тебя мучить, если бы не видел, что ты способна на большее. Ты ведь вообще молодец у меня...

Я икнула от удивления, поднимая ошеломленный взгляд. Шварц впервые похвалил меня!

Не знаю, что в этот момент маг увидел на моем лице, но он внезапно шагнул вперед и заключил в объятия. Мой нос уткнулся в латунную пуговицу на его мундире, и я ойкнула. Объятия стали только крепче.

— Ты знаешь, мне ведь тоже жаль ломать твои чары, — тихо сказал Шварц. — Они как тонкое кружево, невесомое и изящное. Прекрасны в своей уязвимости и слабости...

Чары прекрасны в своей слабости? Нелепица какая-то.

— Благодарю вас, мастер. Но не могли бы вы меня отпустить? — попросила я, хлопнув носом. И как вот прекрасные девы в книгах умудряются орошать мужскую грудь слезами? Грудь Шварца разве что судьба познакомиться с содержимым моего носа грозила. К счастью, он вовремя отпустил меня и даже тактично отвернулся, пока я сморкалась в поспешно выданный мне платок.

После этого случая мой наставник несколько смягчился, и учиться мне стало легче. Но вот взгляды, которые я порой ловила на себе, заставляли смущаться и чувствовать не в своей тарелке. Тем более что после того, как его ожоги сошли, а брови и ресницы отросли, Танас Шварц стал вполне привлекательным мужчиной. У него не было идеальной внешности, но он был харизматичен, умен и, безусловно, мужественен.

Пожалуй, я бы даже увлеклась этим артефактором, если бы не дед, который узнав, кого назначили моим научным руководителем, едва ли не пошел разбираться в деканат. Еле его отговорила.

— Танас был жестоким ребенком, склонным к злым шуткам, — сказал мне дед, когда я неожиданно для себя встала на защиту мастера Шварца.

— Возможно, он изменился? Все дети порой бывают немного злыми, — пожалала плечами я.

— Странно это слышать от тебя. Ты разве не помнишь?

— Не помню чего?

— Тебе было тогда восемь, и ты жила у меня всего год. Помнишь мальчишку, из-за которого ты потом три месяца пролежала в госпитале и еще шесть восстанавливалась?

Я вздрогнула. Так это был он? Рыжеволосый подросток, встретившийся мне в саду позади дома. Он сказал, что пришел с родителями в гости к моему деду, но ему здесь скучно, и предложил поиграть. Уж не знаю как, но он смог провести меня в дедову мастерскую и показал, как активировать один из артефактов. Сила у меня только начала просыпаться, но, к обоюдному удивлению, мне удалось.

Артефакт оказался боевым, хорошо хоть не полностью напитанным силой. Я помню, как меня отбросило в сторону, как ударила спиной о стол. В итоге я едва не лишилась способности ходить, а мальчик, подбивший меня на шалость, отделался несколькими синяками. И то в основном полученными от деда.

— Значит, после этого ты перестал его учить? Не думаю, что он нарочно пытался причинить мне вред. Он ведь тоже сильно испугался.

Я помнила, как тот мальчик уговаривал меня потерпеть и не бояться, пока он не вернется с взрослыми. И его взгляд, в котором смешались вина и страх. Не перед наказанием. Он боялся тогда за меня, я была уверена в этом. Сколько было Танасу? Лет четырнадцать, едва ли больше.

— Танас неосторожен и не думает о других людях, этого достаточно, — резко ответил дед. Я знаю, что себя он тоже винил за те события и, может быть, в том числе и поэтому отказывался меня учить.

Пусть изменившееся отношение Танаса Шварца и настораживало меня, а разбуженные воспоминания о детстве бередили душу, вскоре я отвлеклась на более актуальную проблему. Мои мучения с ментальным артефактом наконец дали свои плоды, и я могла с гордостью доказать Ноггу свою правоту.

Мастер артефакторики привел меня в пустующий тренировочный зал, где нас уже ждал сутулый светловолосый паренек едва ли сильно старше меня. Менталиста в нем было легко узнать по презрительно оттопыренной нижней губе и рыбьему взгляду. Хотя, пожалуй, Шефнер по сравнению с этим юношей смотрелся как-то поживее. Наверное, опыт — научился лучше притворяться.

— У меня всего полчаса, — не представившись, сказал он. — Давайте скорее начнем. Что мне нужно делать?

— Заколдовать вот эту прекрасную фрейлейн.

— Подождите-подождите, — поспешно сказала я, надевая на руку браслет. — Давайте договоримся об условиях проведения эксперимента.

Я была уверена в том, что артефакт будет работать, но насколько он эффективен против ментальных заклинаний, я все же не знала.

— Начнем с наиболее слабых заклинаний, — предложила, опасливо поглядывая на своего будущего противника.

— Как хотите, — прохладно ответил маг. — Полагаю, вы не готовы к тому, чтобы вам лезли в голову?

Я поспешно замотала головой.

— Как насчет диктата воли? Я заставлю вас подойти ко мне и взять из рук этот предмет. — Менталист достал из нагрудного кармана карандаш. — Вы готовы?

— Хорошо.

Парень кивнул, и я почувствовала на себе слабое касание его магии. Металл браслета чуть нагрелся, реагируя на ментальное воздействие.

— Как вас зовут? — спросил маг.

— София, — послушно ответила.

— София, подойдите ко мне и возьмите этот карандаш.

Никакого желания сделать то, что приказывал мне менталист, у меня не возникло. В голубых глазах моего соперника мелькнул интерес.

— София, подойдите.

Я чувствовала, что он усилил воздействие почти в два раза.

— Идите сюда, ну же!

Ногг, наблюдавший за нами, дернулся.

— Не вы! — раздраженно сказал маг.

Нас двоих разобрал азарт. Карл (именно так звали светловолосого менталиста) использовал все более сильные изощренные заклинания, я же наблюдала за тем, как на них реагирует артефакт. Порой он нагревался, а когда Карл попробовал использовать ментальное сканирование, стал бить током.

Сама же я чувствовала себя просто отлично, не считая легкой усталости — артефакт потихоньку тянул из меня силы. Ногг, который записывал все данные эксперимента, едва ли не прыгал от восхищения, забыв о старческой подагре.

— Универсальная защита! Это же шедеврально!

Прошел уже час с начала испытаний, но ни менталист, ни я не спешили заканчивать.

— Хочу попробовать еще одно заклинание. Вы не против, София?

— Вы все еще думаете, что сможете обмануть браслет? — снисходительно спросила я, хотя меня тоже разбирал азарт. — Атакуйте.

Карл прикрыл глаза, что-то бормоча себе под нос, а затем кинул в меня подобие тонкой искрящейся паутины — так, по крайней мере, она мне виделась. На мгновение я почувствовала, как мое тело каменеет, становится непослушным, но раньше, чем я успела по-настоящему испугаться, артефакт начал «всасывать» паутину. Это было странно, предыдущие заклинания браслет разрушал, а это предпочел поглотить. Запястье болезненно жгло, но гораздо более неприятным был эффект от самого ментального воздействия.

— В этот раз почти сработало... — медленно сказала я, чувствуя онемение во рту. — Что это? Вы ничего не приказали.

— Это заклинание не нуждается в вербальных приказах. Посмотрите на меня.

Это была обычная просьба, а не ментальный приказ, я уже начала различать их. Поэтому послушно подняла глаза и... пискнула от неожиданности. Облик Карла начал странно размываться. Я видела в нем то Петера, то рыжеволосого мальчика — каким запомнила Танаса Шварца в детстве. Черты текли и менялись, и в какой-то момент мне показалось, что передо мной стоит Мартин Шефнер.

— Как работает ваше заклинание? — спросила хрипло.

— Оно заставляет видеть в том, кто его применил, человека, к которому объект испытывает симпатию и влечение. Очень удобно, если нужно расположить к себе... София, с вами все хорошо?!

— Больно!

Я упала на колени, сдирая с руки раскалившийся браслет. Тот упорно не поддавался, вместо этого сминаясь под пальцами, будто металл плавился.

Перед глазами все поплыло, а затем я погрузилась во тьму. Последней мыслью было сожаление о том, что браслет безвозвратно испорчен.

Очнулась я от весьма интересных ощущений. Нет, больно не было, как ни странно. Просто кто-то очень нежно и ласково гладил мою руку. Почему-то показалось, что это Шефнер, только он мог быть настолько наглым, чтобы касаться столь интимно. Это что еще такое?!

Я возмущенно распахнула глаза и подавилась гневной тирадой. Никакой это был не Шефнер, как я себе напридумывала, а целительница, божий одуванчик преклонных лет. Да и не гладила она меня, а лечила мое запястье, на котором отчетливо были видны багровые следы ожогов от браслета.

— Очнулись, фрейлейн? — ласково спросила меня целительница. — Ну и перепугали вы нас. Вы знаете, где вы?

— Где я? — испуганно переспросила, оглядев белые стены и потолок. Неужели меня поместили в тюремную лечебницу за проведение эксперимента?!

Старушка огорченно поцокала языком.

— Вот беда. Такая молодая... А имя ты свое хотя бы помнишь? — Кажется, она решила, что ментальная магия отшибла мне память, а может, и разум.

— Помню. София Вернер.

Спустя какое-то время старушка убедилась, что я вполне вменяема, и поделилась со

мною информацией. Как оказалось, провалилась я на больничной койке до глубокого вечера.

— Из-за каких-то ожогов? — расстроено спросила, пока мою кисть смазывали жирной мазью и бинтовали. Я старалась не торопить целительницу, хотя спешила домой. Дед мог волноваться, что я задержалась, не предупредив его.

— Помимо ожогов, у вас физическое и магическое истощение, но все это, полагаю, вы получили еще до воздействия ментального артефакта. Чем еще, кроме крайней усталости, можно объяснить ваше пренебрежение правилами безопасности?

Кто бы сомневался, что Шефнер в курсе всего. Стоит в дверях больничной палаты, недовольно скрестив руки на груди, и сверлит осуждающим взглядом.

— Вы ошибаетесь. Я подошла к эксперименту со всей серьезностью, — заверила его.

Шефнер хмыкнул, выражая сомнение.

— Вы должны были получить у меня разрешение на проведение испытания. Но так как вы не основной сотрудник моей организации, София, то всерьез наказать я вас не могу. В отличие от ваших соучастников. Ногг как непосредственный ваш руководитель получил выговор и оштрафован в размере месячного оклада. Карл Крайз также схлопотал выговор и отправлен в командировку. И будьте уверены, служба в Керне ему не понравится.

Керн был шахтерским городком на северо-востоке империи, где антиправительственные настроения были наиболее сильны. А еще в этом местечке дожди шли едва ли круглый год.

— А может... — робко начала я, но Шефнер меня прервал, обращаясь к целительнице:

— София нуждается в наблюдении?

Старушка заколебалась, но поймала мой умоляющий взгляд.

— Она может ехать домой. Но пусть не перенапрягается и зайдет ко мне дня через три. Я дам ей с собой укрепляющие средства.

— Хорошо. София, я буду ждать вас снаружи. Отвезу домой.

Шефнер вышел, а я осталась краснеть под весьма пристальным взглядом целительницы.

— Господин Шефнер — старый друг моего дедушки, — пояснила.

— Почему же старый? Очень даже молодой. И весьма заботливый, — пробормотала старушка ехидно.

До автомобиля меня проводили почти под конвоем. Шефнер уселся на водительское место, даже не открыв для меня дверцу машины. Я юркнула на заднее сиденье и затаилась мышкой. Впрочем, надолго меня не хватило. Когда мы выехали за ворота СБ, я робко спросила:

— А может, все-таки вы накажете меня, а не мастера Ногга и Карла?

— Накажу, обязательно накажу, — мрачно заверил маг. — Никто не уйдет от расплаты. Я все никак не мог решить, кого можно назначить обучать вас основам менталистики...

— Карл бы мог...

— Шахтеров ваш Карл будет учить... основам вежливости, — неприятно улыбнулся Шефнер, прибавляя скорость. — Мне раньше казалось, что он весьма разумный человек. Видимо, ваша легкомысленность заразна и весьма опасна. У меня не так много незанятых менталистов под рукой, и если мне и их придется сослать в Керн, то моя служба просто развалится. Я сам с вами буду заниматься.

— Это же надо так не доверять собственным людям, — я осуждающе покачала головой.

Шефнер нервно дернул плечами, но промолчал. Остаток пути мы провели в напряженной тишине.

На выходе из автомобиля у меня закружилась голова, я покачнулась и упала обратно на

сиденье. Сердце заколотилось как бешеное.

— София! — встревоженно позвал меня Шефнер, поспешно открывая дверцу и подходя ко мне. Благодаря его помощи я приняла вертикальное положение, хоть и вынуждена была опереться на мага. Попытки поднять меня на руки пресекла сразу. Не люблю я всех этих глупостей.

— Вы мне до крыльца помогите дойти, — попросила смущенно, — а дальше я сама.

— Не говорите ерунды. Не хватало, чтобы вы еще с лестницы упали.

— Да все хорошо будет. Я крепка как вол...

— Скорее уж упрямы. Надеюсь, хватит ума в ближайшие дни оставаться дома и не ходить на учебу? Учтите, я проверю. Если узнаю, что вы были в университете, буду весьма недоволен.

— Прекратите влезать в мою жизнь! — возмутилась громко. — И кстати, от вас пахнет вишневым табаком. А мне вы курить запрещаете!

Окно на втором этаже открылось.

— София?

— Да, дедушка, — смиренно отозвалась я.

— Ты с кем там? Я слышал шум подъезжающего автомобиля.

— С господином Шефнером. Он любезно подвез меня домой.

— Добрый вечер, мастер, — вежливо подал голос маг. — Прошу прощения, что задержал вашу внучку.

— Мартин, зайди, — властно приказал дед. — Попьешь с нами чай.

Мы с менталистом обреченно переглянулись. Конечно, чай был только предлогом для того, чтобы устроить нам обоим головомойку. И дедушку не смущало, что я уже взрослая, а Шефнер и вовсе один из влиятельнейших людей империи.

Утаить от деда случившееся оказалось невозможно. Он спокойно выслушал меня, а затем отослал спать.

— Может, все-таки чай сделать? — предложила я, надеясь его умиловить.

— Ты в таком состоянии мне всю посуду перебьешь. Иди давай, мы тут с Мартином еще немного поговорим о том, как нужно заботиться о стажерах, — проворчал дед.

— Но господин Шефнер ничего не знал!

— И я о том же! Тебя, Софи, окружают совершенно безответственные молодые люди. Вот если бы ты послушала меня и вышла замуж за хорошего надежного человека, я бы так о тебе не волновался.

— Фрейлейн Софи еще рано всерьез думать о замужестве, — неожиданно вступился за меня менталист. — Пусть сначала доучится.

Пусть я хотела сказать так же, но вмешательство Шефнера меня задело. Я сухо попрощалась с ним, чмокнула деда в щеку и поковыляла к себе в комнату, держась за стеночку.

Заснула я сразу же, как только моя щека коснулась подушки. И проснулась среди ночи. На улице было еще темно. Зевнула, поворочалась в кровати и все же поднялась. Накинула на сорочку халат и отправилась на кухню добыть горячего молока. Проходя мимо гостиной, увидела, что свет там еще горит. Видимо, дед забыл выключить лампу, а может, и вовсе заснул, сидя в кресле.

Но деда в комнате не было. Зато на диване, скрючившись и поджав длинные ноги, грустно сопел Шефнер. На столике стояли два бокала и почти пустая бутылка виски.

— Чай они пить собирались, — тихо проворчала я.

Мне бы пройти мимо, но маг явно мерз во сне, и я испытала внезапный приступ заботливости. Я накрыла Шефнера пледом и поправила подушку, которая грозилась вот-вот упасть на пол. И не удержавшись, склонилась над диваном, разглядывая спящего. Вот говорят, мужчины, когда спят, выглядят мило и беззащитно. Не знаю, не знаю. Шефнер умудрялся грозно хмуриться даже во сне, да и щетина не прибавляла ему очарования. Хотя вот встрепанные волосы ему шли. Темные густые пряди казались на удивление мягкими и приятными на ощупь. Удивившись внезапному порыву погладить мага по голове, я поспешно отвернулась, чтобы выключить лампу. Но отойти не успела. За спиной раздался шорох, а затем меня схватили за руку. От резкого рывка я не удержалась на ногах и рухнула на диван, точнее, на колени уже сидящего Шефнера. Я задергалась, пытаюсь встать, но меня не отпускали. Разве что рука мага переместилась к моей талии, обхватывая и прижимая к мужчине.

— Отпустите меня, — потребовала сердито. — Вы пьяны!

— И именно поэтому могу себе позволить чуть больше. Посидите так со мной немного, — попросил он и тут же болезненно выдохнул, получив локтем под ребро.

Но не отпустил.

— Это домогательство подчиненного! — попыталась воззвать к его совести.

— Вы мне не подчиненная, и мы не на работе.

— Я же ваша ученица!

— Пока еще нет.

Он уткнулся лбом мне в плечо, заставив буквально окаменеть.

— София, ну не будьте вы такой. Я вас не обижу, честное слово, — сказал глава СБ. Вот уж действительно, самый честный человек во всей империи! — Просто вы такая милая в своем халате и босая. Я говорил, что у вас очаровательные пальчики на ногах? Такие маленькие и аккуратные...

И когда только разглядеть успел?!

— Я сейчас дедушку позову, — пригрозила очень тихо. Потому что деда будить не хотелось. С него бы случилось побить Шефнера своей тростью, а в возрасте деда такая физическая активность вредна.

— Зовите, — столь же тихо согласился менталист.

Я едва не плакала от отчаяния. Петер, когда напивался, тоже был крайне любвеобилен и лез ко мне с поцелуями, но того я хотя бы могла охладить несколькими хорошими тычками. Бить пьяного менталиста я не решалась. Вот что должна сделать приличная девушка в моем положении? Наверное, падать в обморок. Но что-то мне эта идея не казалось удачной.

Ну и что делать?!

— И что теперь будете делать, Софи? — озвучил мою мысль маг. И тут я поняла, что в его голосе совсем не было пьяных ноток. Скорее холодный интерес. — Как далеко вы позволите мне зайти?

Вторая рука его коснулась моего плеча, и пальцы скользнули за распахнувшийся ворот халата, касаясь ключиц. Меня бросило в дрожь. Не от страсти. От ярости.

— Артефакторика — почти чисто мужская профессия. Вам часто придется сталкиваться с домогательствами ваших коллег и начальства, и ваш дед прекрасно это понимает. Вы молоды и красивы, а еще чертовски неосторожны. Вот зачем вы ко мне подошли? — шепнул он куда-то мне в шею, опалая горячим дыханием.

— А вы, значит, проучить меня вздумали? — от злости голос мой стал почти бесцветным.

Накрыла своей ладонью его руку и активировала кольцо на мизинце. Шефнера тряхнуло разрядом, а я, воспользовавшись моментом, вырвалась. Резко обернулась и отвесила пощечину. Точнее, попыталась. Ладонь мою перехватили, притом весьма неудачно, за большую кисть. Я вскрикнула, и Шефнер тут же меня отпустил.

— Не стоит надеяться только на артефакты, — хрипло сказал он, не отводя взгляда от моего лица. — Один раз они могут помочь, но потом ваш противник уже будет знать, что от вас ждать. Просто старайтесь не оставаться наедине с мужчинами, которых вы плохо знаете.

— Я запомню ваш урок, — зло сказала я. — Но знаете, я считала, что человеку, который дружен с моим дедом, которого он принимает в своем доме, можно верить.

На секунду мне показалось, что в темных глазах мелькнуло сожаление, но почти сразу взгляд снова стал непроницаемым.

— Никому нельзя верить.

— Я запомню, — повторила свои слова и наконец ушла, тихо прикрыв за собой дверь.

И только в своей комнате позволила себе расплакаться от пережитого унижения. Я не привыкла чувствовать себя такой беспомощной и слабой. Одинокой. Разве я могла поделиться своими переживаниями с дедом или Петером? Меньше всего мне хотелось портить отношения дяди и племянника. Но я не представляла, как после всего этого общаться с Шефнером и делать вид, что все нормально.

А если в следующий раз он не остановится или и вовсе применит свои способности менталиста?

Дождавшись утра и убедившись, что гость ушел, я спустилась в свою мастерскую. Залезла на стул и достала с самой высокой полки латунную шкатулку. Внутри хранилось кольцо — тот самый мужской перстень, что купила во время прогулки с Петером.

Браслет был разрушен, но вроде Шефнер не слишком расстраивался. Может, еще не понял, какой ценный артефакт потерял. А может, понял и рад этому.

Но я не только сумела активировать ментальные чары браслета и напитать их силой. Я смогла скопировать плетения и, немного изменив их, перенести на другой материальный носитель. Теперь на моей ладони лежал усовершенствованный и еще более сильный артефакт защиты от ментальной магии, чем тот, который был уничтожен. И о нем никто не знал.

Я достала серебряную цепочку и подвесила на нее кольцо. Надела на шею и спрятала под одеждой. Что ж, начнем с защиты, а потом можно подумать и о вооружении.

Мартин ушел еще до рассвета, почти сбежал. На душе у мужчины было муторно. Его поступок был несколько... недальновиден. И жесток. Ведь Софи никому не скажет о случившемся, хотя наверняка будет переживать. Он не думал, что она так испугается, а он сам так далеко пойдет. Не удержался, просто не удержался, как бы это смешно ни звучало. А потом попытался оправдаться благими намерениями. Вот только это совсем ничего не меняло. И не важно, поверила ему девушка или нет. Он ведь знал, как все обстояло на самом деле.

Прислать подарок с извинениями? Будет выглядеть еще хуже. Оставить девушку в покое и продолжать избегать ее? Она укрепитя во мнении, что он подлец, и совсем перестанет подпускать к себе.

В голове мелькнула мысль, что он мог бы прийти в дом Вернеров уже с официальным предложением. Судя по вчерашним посиделкам, Август хоть и не будет сильно рад породниться с Шефнерами, но и протестовать не станет. Зато София... Мартин представил, как поспешно сбегает из дома, а в спину ему швыряют букет цветов, сопровождая проклятиями, и скривился. М-да, едва ли стоит ждать от нее другой реакции.

Но он, по крайней мере, точно определился, что отпустить девушку не только не хочет, но и не может. Одно простое объятие, к тому же украденное, полученное против воли, — и он едва не потерял голову.

Мартин припарковался у набережной и вышел. Оперся на резные перила, подставляя разгоряченное лицо холодному осеннему ветру.

«Никому не доверяй», — Шефнер горько усмехнулся, вспомнив свои опрометчивые слова. «Никому не доверяй, кроме меня», — вот что он хотел сказать, но остановился, понимая, как это звучит в свете его поступка. Он не привык относиться к женщинам как к хрупким вазам, не привык беречь их. Одних он использовал в своей работе, других — для своего удовольствия.

Но с Софией он не хотел поступать так. А по-другому просто не умел. Разве что притвориться, сыграть роль утонченного аристократа, как делал это порой. Заботливого и галантного ухажера. Таким был Петер, но Софи явно не относилась к его племяннику всерьез. А ему теперь и вовсе не поверит.

Мало что могло поставить главу СБ в тупик, и то, что это умудрилась сделать одна юная особа, сама того не ведая, в ином случае показалось бы Мартину презанятым фактом. Вот только сегодня он не был склонен к самоиронии.

Все, что ему оставалось — это сделать хорошую мину при плохой игре. Не давить, но и не отступать. С ухаживаниями пока не стоит спешить, но это не значит, что он не может сблизиться с ней другим способом.

Больше всего на свете я хотела отказаться от места прохождения стажировки. В конце концов, не исключат же меня из университета?! А от министерства как-нибудь отобьюсь, тем более что со Шварцем в последнее время я неплохо уживалась.

Но у меня было несколько дней, чтобы подумать. Сходив к старушке-целительнице и пожаловавшись на плохое самочувствие, получила еще неделю отдыха. Университет, конечно, не пропускала, но Шефнер не спешил ловить меня и угрожать очередными карами.

Я уже понадеялась, что глава СБ позабыл обо мне, пока меня однажды не выловил Петер, несколько сбитый с толку.

— Ты ведь перестала ходить на стажировку?

— Я здоровье восстанавливаю! — сказала поспешно.

Петер несколько недоверчиво посмотрел на мое довольное, пышущее румянцем лицо. Задумчивые прогулки в парке, которым я посвятила последнюю неделю, положительно сказались на моем внешнем виде.

— Да я без претензий. Мне тут дядя обмолвился, что им какой-то новый артефакт в их отдел находок привезли, я подумал, что тебе будет интересно.

Я сразу наострила уши.

— А что за артефакт?

— Не знаю. Но в отделе находок все уже голову сломали. На нем такие устаревшие чары, что найти аналоги в наше время почти невозможно.

Меня, очевидно, заманивали в ловушку, но, даже зная об этом, сдержаться я не могла. Мысль о том, что без меня могут узнать что-то новенькое или сделать открытие в артефакторике, доставляла мне почти физическую муку.

Сыр в ловушке и в самом деле был, хотя я не уверена, что он того стоил. Артефакт оказался не ментальным, но тоже весьма интересным. Похожее существовало в бытовой магии — консервирующие артефакты, позволяющие продуктам не портиться, а вещам не тлеть и не пачкаться. Но этот еще и восстанавливал структуру предмета, на который был установлен. Если артефакт прикрепить к стулу, выточенному из цельного дерева, к примеру, а затем стул сломать, то спустя некоторое время он вновь примет былую форму. Любопытное изобретение, но не более... А вот Ногг, вместе со мной открывший свойства артефакта, внезапно пришел в огромное возбуждение и сразу же побежал докладывать Шефнеру. Вскоре артефакт перенесли куда-то на верхние этажи для дальнейших экспериментов. Меня, конечно, не позвали, но я не обиделась. Петер был моими ушами в отделе вооружений, он мне и рассказал, что принцип работы этого артефакта там собираются использовать для брони.

Почти месяц я не видела Шефнера-старшего, но все хорошее заканчивается.

— София, — начал менталист, вызвав меня в свой кабинет, — для начала я бы хотел уладить непонимание между нами. Я вел себя неподобающе и признаю это. Приношу свои глубокие извинения.

Я растерянно моргнула. Нет, в своих фантазиях я представляла, как Шефнер вымаливает у меня прощение, но то, что он на самом деле извинится, все же казалось... недостоверным.

— Вы можете не отвечать мне сейчас, — сказал маг, заметив мое смятение. — Просто я хочу, чтобы вы знали: я сожалею, что обидел вас своими словами и действиями.

Он протянул мне линейку, а когда я ее взяла, с мученическим видом вытянул вперед ладони:

— Вот.

— Что? — с подозрением спросила, прижимая линейку к груди.

— Можете наказать меня.

Он что, хочет, чтобы я его линейкой по пальцам била?

— Простите, но я не буду участвовать в ваших странных фантазиях, — сказала твердо, но линейку не отпустила. Мало ли что этому ненормальному в голову придет, а так будет чем обороняться. — Месяц прошел, почему сейчас?

— Я искал лучший способ получить ваше прощение. Подкуп, шантаж, стирание памяти... Не бледнейте, я шучу! — поспешно сказал маг, заметив, что я готова сорваться с места. — Но я действительно хотел бы, чтобы мы вернулись к нашим прежним отношениям.

— У нас не было никаких прежних отношений, — возразила я.

В темных глазах промелькнуло что-то вроде недовольства, но тут же угасло.

— Может быть. Но мне хотелось бы работать с вами в будущем. Вы знаете, СБ весьма неплохо платит вашему деду, пусть даже стиль его плетений... несколько изменился за последнее время.

Я замерла сусликом. Шефнер, судя по всему, знал, что это я работаю над артефактами, а не дед. Менталист успокаивающе улыбнулся.

— Мне бы хотелось, чтобы и в дальнейшем я мог бы оставаться клиентом вашей семьи. Меня интересует то, что создавал ваш дед раньше и создает сейчас, но еще больше меня интересует то, что вы сможете сделать с ментальными чарами. Я готов отдельно спонсировать ваше обучение.

— Платить... мне?

— Да, за то, что вы позволите вас обучать.

Он протянул мне бумаги. Дополнительный договор на оплату моего времени как артефактора. Хорошую оплату.

— Я потом обязана буду работать на вас? — недоверчиво спросила.

— Нет, договор действует до конца стажировки. Но если мы во время вашего обучения сможем получить какой-то результат, то это будет оплачиваться отдельно. На третьей странице, посмотрите.

Я перелистнула, мельком взглянула на цифры и проценты и нервно облизнула внезапно пересохшие губы. Мой личный автомобиль. Я смогу его приобрести уже к зимним праздникам, если соглашусь на предложение Шефнера.

— У меня есть время подумать?

— Конечно.

В тот момент мы оба уже знали, что я соглашусь.

Шефнер был тем еще пройдохой, но также он был способен вести себя безукоризненно, если ставил перед собой такую цель. Во время наших занятий по менталистике, проходивших где-то раз в неделю, он всегда сохранял дистанцию, не флиртовал со мной и уж тем более не прикасался без разрешения. И я несколько расслабилась.

Не сказать, что дни текли просто и беззаботно, но моя жизнь была расписана как минимум на ближайший год и в принципе меня устраивала. Разве только корпеть над работой и учебой мне приходилось столько, что абсолютно не хватало времени на что-либо

другое. Ногг, Шефнер, Шварц — все-таки было слишком много наставников для одной маленькой меня, и каждый из них считал, что его дело важнее всего. Да еще и дед внезапно обеспокоился тем, какой хаос творится у меня голове. Он провел ревизию моих знаний, ужаснулся и взялся восполнять пробелы. Ну что я могу сказать... Этому в университете нас не обучали, и мне, кажется, грозило стать наиболее всесторонне развитым артефактором в истории империи.

В какой-то момент я почувствовала себя головой на ножках, и голова эта была тяжела. Мне срочно требовался человек, знающий толк в развлечениях и отдыхе.

Петера я в последнее время видела едва ли раз в неделю, поэтому, столкнувшись с ним на лекции, предложила встретиться после занятий и куда-нибудь вместе сходить.

— Ты не будешь против моей подруги?

Я закатила глаза.

— Опять? Хорошо, но если она не будет создавать мне проблем.

Петер рассмеялся.

— Не думаю, это очень хорошая девочка. Она тебе понравится.

Я хмыкнула, но ничего не сказала. Несмотря на то, что Петер, по его словам, видел свое будущее только со мной, пассии у него появлялись регулярно. И никого из них я не могла назвать хорошей девочкой. В основном это были легкомысленные кокетки, которых не останавливало несерьезное отношение к ним. Петер был щедр и хорош собой, кроме того, будучи бароном, был завидным спутником на светских раутах и вечерах. Ни с одной девушкой отношения Шефнера-младшего не продлились больше двух месяцев. Заканчивалось всегда одним и тем же — он знакомил их со мной, при этом всячески демонстрируя то, что я главная женщина в его жизни. Большинство уходило после первой такой встречи, громко хлопая дверью, другие пытались отвоевать внимание Петера любыми путями. Находились и те, кто пытался разобраться уже со мной. Одна из таких «возлюбленных» в свое время дошла до угроз, но довольно быстро исчезла. После этого подруги появлялись более миролюбивые, но все столь же недолговечные.

Я ждала приятеля у фонтана во дворе университета почти полчаса и уже начала раздражаться. Признаюсь, он несколько разбаловал меня своим вниманием, и то, что заставил так долго ждать, было непривычно.

Петера, высокого и темноволосого, в длинном элегантном пальто и франтовато повязанном шарфе, я увидела издалека. Да и девушка рядом с ним была смутно мне знакома. Кажется, с нашего факультета, но с младших курсов. Довольно миленькая — с каштановыми кудряшками, голубыми глазами и ямочками на щеках.

— Это Марта. Она из Торнема, в этом году поступила на целительство, — жизнерадостно представил девушку Петер. — А это Софи, мы с ней учимся вместе.

Я несколько растерянно ответила пискнувшей приветствие девушке. Надо же, в этот раз он даже не стал называть меня «любовью всей своей жизни». Да и эта девочка, совсем еще со школьной скамьи, не походила ни на одну из бывших Петера. Я молча смотрела, как он заботливо поправляет меховой воротник ее пальто, а она мило краснеет, влюбленными глазами глядя на своего кавалера, и хмурилась. Не из-за ревности, нет.

Петер был на самом деле прав. Это была хорошая девочка, явно считавшая, что то, что происходит между ней и артефактором, серьезно. Но даже если Петер действительно переключился с меня на нее, он все еще оставался помолвленным. Сомневаюсь, что Марта это знала.

Я не очень-то умела дружить, но что-то мне подсказывало, что прямое вмешательство в отношения друга и его девушки ни к чему хорошему не приведет. Да и кто я такая, чтобы давить ему на совесть, даже не разобравшись ни в чем?

Следуя немного позади парочки, рассеянно прислушивалась к их чириканью. Они хорошо смотрелись вместе — такая хрупкая и миниатюрная фрейлейн и благородный маг, заботливо приноравливающийся к ее шагу. Судя по ее речи, она была если не из благородных, то из семьи с достатком. Интересно, будет ли Мартин Шефнер возражать против Марты так же, как против меня? В конце концов, он сам бы мог жениться на графской дочке, которая сейчас помолвлена с Петером. Даже без титула Шефнер-старший был завидной партией — благородных кровей, влиятельный, производящий приятное впечатление при знакомстве. Это только мне повезло увидеть его мерзкую натуру во всей красе, ну и, наверное, его подчиненным и врагам.

Хотя болезненные воспоминания о выходке Шефнера успели несколько поблекнуть, я все еще задавалась вопросом, что же это было тогда в моем доме. Просто пьяная выходка, желание проучить или что-то другое? Мысль, которую я так долго гнала от себя, при взгляде на Петера вновь начала меня тревожить.

Когда я впервые встретила Мартина, мне показалось, что он мало похож на своего племянника. Лишь внешнее сходство, хотя черты лица Шефнера-старшего были резче, а вместо юношеской изящности он обладал жилистостью и поджаростью матерого хищника. Характеры были и вовсе прямо противоположны. Петер легкомыслен и вспыльчив, но отходчив и довольно добродушен. А вот его дядя, пусть и не был лишен определенного очарования, обладал вкрадчивостью лиса и хваткой бульдога. За элегантными манерами скрывался весьма опасный человек. Впрочем, каким и должен быть глава СБ.

И все же они были похожи в мелочах. Поворот головы, походка, мимика. Петер отлично владел своими чувствами, но я знала его довольно давно и поэтому легко могла понять, когда он зол, расстроен или заинтересован. Сейчас, к примеру, он изображал интерес к своей спутнице, мыслями витая где-то в другом месте.

Петер почувствовал на себе мое внимание и повернул голову, легко улыбнувшись мне уголками губ. Но взгляд его был другим: серьезным, напряженным и удивительно обжигающим.

Мартин Шефнер смотрел на меня точно так же. Он больше не пытался ко мне прикоснуться, но его взгляды я чувствовала даже с закрытыми глазами. Возможно, я была слишком мнительна. Но могло ли быть так, что мента-лист заинтересован во мне... как мужчина в женщине? Эта мысль смущала и в то же время льстила, хотя я и осознавала, что внимание главы СБ ничего хорошего мне не принесет.

Петер привел нас в тот же гостиный дворик, где я пила кофе с его дядей, и, заказав всего понемножку, начал развлекать нас придворными и факультетскими сплетнями. Марта, мало что знавшая о столичной жизни, была золотым слушателем для моего друга, я же опять ускользнула в свои мысли.

Захотелось курить. Я знала, что Петер терпеть не может сигаретный дым, поэтому извинилась и вышла на крыльцо, накинув на плечи пальто. Прикурила сигарету и затянулась дымом с вишневым привкусом. Черт, еще одно напоминание о менталисте.

— У тебя что-то случилось? — Петер подошел незаметно и закутал меня в свой шарф. — Простудишься. Ну так что?

— Устала немного, — призналась я. — Ты оставил Марту одну в зале?

— Она вышла припудрить носик. Как она тебе?

Искоса взглянула на зябко ежившегося молодого мужчину.

— Почему ты это спрашиваешь? Не мне же с ней встречаться.

— Ты важный человек в моей жизни, твое мнение мне небезразлично, — серьезно ответил Петер.

— Она не похожа на твой тип. И кажется, очень тобой увлечена.

— Ревнуешь? — усмехнулся Петер, испытующе глядя на меня.

— Ты так думаешь? — вяло спросила я, стряхивая пепел на припорошенную рано выпавшим снегом траву.

— Нет, — тихо ответил приятель. — Тебе всегда было все равно, с кем я провожу время.

— Неправда. Я бы хотела, чтобы ты встретил кого-то хорошего и по-настоящему полюбил.

— Я уже люблю, и не надо говорить, что мои чувства фальшивка.

Ну вот, мы вновь вернулись к старому разговору.

— Тогда зачем морочишь девочке голову?

Петер горько рассмеялся.

— Беспокоишься за нее? Боишься, что соблазню и брошу? Не стоит. Марта — дочка мэра Торнема, богата, хороша собой и, что самое важное, не раздражает меня. И коли моим чувствам к тебе так и суждено остаться безответными, то почему бы не жениться на милой крошке Марте?

— А как же твоя невеста? — вырвалось у меня.

Артефактор заледенел.

— Откуда ты знаешь? — глухо спросил он.

— Твой дядя рассказал.

— Давно?

Я вздохнула.

— Достаточно. Она же из рода Ланге? Наверное, эта не та помолвка, которую легко расторгнуть.

Во взгляде Петера вспыхнула какая-то безумная надежда.

— Ты поэтому отвергала мои ухаживания? Боялась, что я обману тебя? — он схватил меня за плечи, заставляя посмотреть на себя. — Я разорву помолвку в тот же момент, когда ты согласишься выйти за меня замуж! София, стань моей, прошу.

— Восемнадцатое, — произнесла я, прикрыв глаза, не желая видеть лицо Петера в этот момент. Его разочарование, его злость. — Восемнадцатое предложение. Это уже давно перестало быть забавным.

Меня почти отшвырнули от себя.

— Забавным? — голос Петера зазвенел от ярости.

Марта выбрала не самый лучший момент, чтобы найти нас. Переводя испуганный взгляд с Петера на меня, она спросила:

— Что-то случилось?

— Все хорошо, — я выдавила улыбку.

— Нет, ничего не хорошо. Одевайся, Марта, мы уходим.

— Не надо, я уйду сама.

Мужчина не стал возражать.

Вернувшись домой, я поняла, что так и не отдала Петеру его шарф.

На следующий день у меня был практикум с Шефнером-старшим. Если он и знал что-то о нашей ссоре с Петером, то предпочел не подавать вида. Да и я вскоре отвлеклась — плетение ментальных чар требовало полной концентрации. Тем более что видеть плетения, как и все маги-не артефакторы, менталист не мог, только чувствовать, и был не способен контролировать мою работу.

Артефакторов порой называли чародеями, потому что они единственные могли видеть и создавать чары с помощью нитей, из которых состояли потоки силы. Которые, в свою очередь, использовали маги в заклинаниях. Но подобное тонкое видение накладывало свои ограничения — мы не могли непосредственно оперировать самими потоками или зачаровывать людей. «Нити» были слишком «тонки» для живых объектов, постоянно изменяющихся и обладающих своим запасом жизненных сил.

Зато кое в чем другом нашей братии повезло. В отличие от других магов, которые хоть и были способны управлять потоками с помощью вербальных заклинаний или даже напрямую, артефакторы не были ограничены одним направлением. Мы могли создавать и целительские артефакты, и атакующие, и даже сочетать разные виды магических искусств. Вот только ментальные чары артефакторам не давались. Ментальная магия была изменчива, даже эфемерна, ее нельзя было статично зафиксировать в виде чар. Так, по крайней мере, считалось.

А вот получилось же! Тот древний браслет и собственноручно связанный мною шарф были лучшим доказательством. Сказать, как это у меня вышло, я не могла, действовала почти инстинктивно. Но, наблюдая за тем, как Шефнер создает и распускает свои заклинания, ловко оперируя силой, а потом пытаюсь перенести все это на артефакты, я постепенно начала улавливать суть ментальной магии и своих способностей.

Даже изменчивость и эфемерность ментальных заклинаний опирались на некоторую устойчивую константу — на сознание самого мага-менталиста. Недаром все ментальные маги были довольно занудными типами, любящими порядок и построение всяческих планов. Разум мага был точкой опоры для их собственных заклинаний, меняющих разум других людей.

Но такой константой не мог выступить неживой предмет. Нарушался принцип подобия — только разум может влиять на разум. Точно так же целители лечили людей, используя свою жизненную энергию. И тогда я — совершенно случайно! — вложила в свои чары слепок своего сознания, уподобив себе самый артефакт.

Звучит безумно, но, кажется, я наделила свои творения псевдожизнью. Правда, собственной воли у моих ментальных артефактов не было, но оно и к счастью. Не хватало еще восстания машин, обладающих к тому же моим собственным неживучивым характером...

Шефнер, если и делал выводы по поводу моих способностей, озвучивать их не стал. Но явно заинтересовался возможностью создания слепка с сознания других людей. На вопрос, зачем оно надо, он пожал плечами и не стал развивать тему, как и просить меня о чем-либо. Так что мы просто работали с тем, что есть, оттачивая мое мастерство.

Так как мои чары оказались завязаны на моем же сознании, успешность работы над ментальными артефактами зависела напрямую от моего настроения. А на следующий день после ссоры с единственным другом оно было крайне нестабильным. Поэтому чары дрожали и рассыпались, а те плетения, что я уже нанесла, деформировались от моих манипуляций. Испортив результат месячного труда, я в ярости отшвырнула болванку для артефакта и

вылетела в коридор.

Шефнер последовал за мной и даже помог приоткрыть окно, чью раму заклинило. А вот мою попытку закурить пресек на корню, конфисковав портсигар.

— Отдайте немедленно!

— В здании СБ нельзя курить, — укоряюще ответил менталист.

— В первый раз слышу, — проворчала я. — И уверена, что вы это только что придумали.

— Здесь мое слово — закон, — усмехнулся Шефнер. — Подышите свежим воздухом, попейте чаю. Думаю, сегодня нет смысла возвращаться к работе.

Я потерла гудящий лоб.

— Если вы не возражаете, поеду домой.

— Не возражаю, но осмелюсь предложить вам кое-что другое. Вы расстроены и встревожены, а в таких случаях лучше не грустить в четырех стенах в одиночестве, а отвлечься на что-то необычное и интересное.

— Вы предлагаете что-то конкретное? — рассеянно спросила я.

— Сегодня премьера нового спектакля в императорском театре. Говорят, постановка получилась весьма скандальной и в то же время смешной. Не хотите составить мне компанию?

Я не знала, что стоит за его предложением — простая вежливость, подкуп или что-то еще, но на всякий случай отказалась, сославшись на головную боль. Шефнер не поверил, но давить на меня не стал.

— Приказать отвезти вас домой?

— Не надо.

Маг внимательно на меня посмотрел и, вздохнув, внезапно спросил:

— Хотите, я вставлю мозги этому мальчишке, и он прибежит к вам с извинениями?

Я вздрогнула.

— Вы знаете?

— Петер вчера обвинил меня в том, что я пытался вас поссорить, рассказав правду о его невесте. Несложно догадаться, что у вас с моим племянником не все хорошо.

— Вы, должно быть, этому рады, господин Шефнер.

— Ну да. В душе я злобно хохочу и ликую, — невозмутимо кивнул менталист.

Я хмыкнула и призналась:

— Может, сочувствуете, а может, и правда ликуете. Я плохо разбираюсь в людях. А вы так и вовсе загадка для меня.

— Так ведь вы, София, даже и не пытаетесь меня узнать.

Отвела глаза.

— Для чего мне это? Узнавать вас?

— Я бы ответил, — тихо сказал Шефнер, — но боюсь, вы снова меня оттолкнете.

Он хотел сказать что-то еще, но его отвлек один из подчиненных, и я, пока обо мне забыли, тихо смылась домой.

После этого нашего разговора, странного, полного недосказанности, между нами почти ничего не изменилось. За исключением одной детали. Всякий раз после конца занятий Шефнер приглашал меня куда-нибудь. При этом ни разу не повторился. За два месяца я уже упустила возможность побывать с ним в цирке, в дендрарии, в зоопарке, на ипподроме. И даже на незаконных боях и в игорном заведении, уж не знаю, с чего он решил, что это может мне понравиться.

А вот его племянник, напротив, меня игнорировал, но зато почти не расставался с Мартой. Получалась совсем какая-то глупая ситуация — я бегала от одного Шефнера и преследовала другого. После нескольких моих попыток поговорить с Петером я убедилась, что он упрямый осел, и отстала от него.

Но вскоре все мои личные проблемы ушли на задний план. В середине зимы слег дедушка. Слег, чтобы больше уже не встать.

Начало апреля выдалось грязным, слякотным и промозглым. Из-за постоянной сырости я простудила горло и теперь почти не могла говорить.

Мне, впрочем, и не хотелось. Я в последний раз взглянула на могилу Августа Вернера, моего деда, и, не заметив предложенную руку, направилась к воротам кладбища. Мартин Шефнер, тактично отстав на шаг, пошел следом.

— Я подвезу вас, — мягко сказал он, но было понятно, что спорить с ним бесполезно.

Позволив усадить себя в автомобиль, я наконец избавилась от шляпки с черной вуалью и опустила затылок на прохладную кожу сиденья. Устала.

Почти три месяца я сражалась за жизнь своего деда. Покупала дорогие целительские артефакты, которые не могла сделать сама, приглашала лучших столичных магов и докторов. И слышала всякий раз одно и то же: деда нельзя было спасти, только отсрочить смерть — на дни, может быть, недели... Внутренние органы отказывали один за другим. В последний месяц он ничего не видел и не слышал. И, как говорили целители, ничего не осознавал. Я надеялась на это. Страшно было представить, как мой дед, всегда ходивший с прямой спиной и отказывающийся выходить из дома с тростью, перенес бы свою беспомощность.

Артефакторика была смыслом его жизни, она же и погубила его. Он сгорел, надорвался на службе в военном министерстве, работая над очередным засекреченным проектом, и так и не смог восстановиться после этого. И все же продолжал заниматься магией, даже зная, чем это рано или поздно закончится.

И я впервые не смогла понять его. Разве все это — эти бездушные вещи, бездушные люди — стоили того, чтобы умереть?

От мыслей, навязчиво крутившихся в голове, меня отвлек вопрос Шефнера:

— София, в вашем доме кто-нибудь есть?

Я кивнула, радуясь, что не нужно отвечать вслух. Менталист легко бы распознал мою ложь. С утра, собираясь на похороны, я дала служанке оплачиваемый отпуск на неделю. Кати не хотела уезжать, но переживания за старого хозяина подточили и ее силы, и она все же решила немного пожить у своего сына за городом. Значит, дом полностью в моем распоряжении. Пустой, холодный, мертвый.

Впрочем, я чувствовала себя точно так же.

Позволив Шефнеру проводить себя до крыльца, я заперла за собой дверь и, не включая свет, поднялась в дедушкин кабинет. Скинула ботинки и забралась в его кресло с ногами. На столике все еще лежала открытая книга, которую дед не дочитал. Он не любил, когда его вещи трогают, поэтому даже когда его приковало к постели, ни Кати, ни я не стали убирать книги и дедовы записи в шкаф. И теперь казалось, что он не умер, а просто вышел куда-то и вот-вот вернется.

В дверь решительно зазвонили. Я выглянула в окно и увидела Шефнера. Он не уехал? Я ведь слышала, как завелся мотор. Почувствовав мой взгляд, мужчина поднял голову, и я поняла, что ошиблась. Это был не тот Шефнер.

— Софи, это я. Открой! — попросил Петер.

Я прикрыла окно и спустилась вниз. Не для того чтобы впустить Петера, а чтобы активировать охранный артефакт. Дед был бы недоволен моей неосторожностью. Он всегда так беспокоился, что меня кто-нибудь обидит.

Не обращая внимания на шум за дверью, я направилась в кухню. Откупорила бутылку вина, хлебнула из горла и поморщилась. Нет, напиться так, чтобы стало легче, у меня не получится. Пить я не умела и не любила. Поэтому закурила и тут же раскашлялась. В голове зазвенело, стало как-то легко, и я осела на пол. Лежать в так и не снятом пальто было не холодно, разве что ноги в чулках немного подмерзали, но вставать уже не хотелось. Я поджала ступни и, глядя в потолок, тихо заплакала. Впервые за последние месяцы. Но даже со слезами боль не уменьшалась, а я не находила облегчения.

Не знаю, как и когда я успела заснуть, а может, и потерять сознание, но очнулась от легкой тряски. Меня несли на руках, прижав к груди.

— Петер? — шепнула я пересохшими губами, но меня услышали.

— Боюсь вас разочаровать, София, но моего племянника здесь нет.

Менталист. Встрепанный, явно не выспавшийся и все в той же одежде.

— Как вы попали в дом? — просипела, с неудовольствием отмечая, что голос меня совсем перестал слушаться.

— Как крыса СБ я должен уметь проникать сквозь любые закрытые двери. Хотя с охранкой пришлось повозиться.

— Вы испортили защитный артефакт? — возмутилась и внезапно закашлялась. Меня тут же начали убаюкивать. Как будто это могло помочь!

— Нет-нет, что вы, я бы не посмел, — успокаивающе, будто бы говорил с ребенком, сказал Шефнер. — Артефакт на месте. Если будет время, я подскажу вам, как его укрепить.

Мы уже поднялись на второй этаж.

— Где ваша спальня?

Я вяло махнула рукой, показывая вниз, на первый.

Маг ничем не выдал свое неудовольствие и, покрепче меня перехватив, осторожно спустился.

Только у самой кровати он позволил мне встать на ноги. Помог снять пальто, подложил под спину подушек. Осталось одеяло подоткнуть, но тут я едва не зашипела на него, и он предпочел скромно отойти. Сил, чтобы выгнать наглого менталиста из дома, у меня не было, и я устало спросила:

— Зачем вы здесь?

Судя по тусклому свету из окна, было еще утро.

— Беспокоился о вас, и оказывается, не зря. У вас температура, да и кашель мне не нравится. Я вызову доктора, но сначала позабочусь о вашем удобстве. В этом доме есть молоко и мед?

Напоив меня горячим питьем, он коснулся прохладной рукой моего лба и нахмурился.

— Я мигом. Не вставайте, пожалуйста, с постели. Скажи мне кто полгода назад, что Шефнер может быть таким заботливым и понимающим, ни за что не поверила бы. Но он действительно поддерживал меня почти с самых первых дней болезни деда. Его автомобиль появлялся у моего дома едва ли не каждый день. И даже когда менталист не мог сам заехать ко мне, он отправлял своего водителя. Привезти лекарства, отвезти куда нужно. И почти все хлопоты по похоронам Шефнер взял на себя как друг моего деда. Или даже как друг семьи.

Это было странно, но неловкости не вызывало. Мартин Шефнер так легко вошел в мою жизнь, что я даже не успела понять, что это значит для меня. И кто он для меня. Едва ли друг — слишком разные у нас статусы, да и помнила я его едкое высказывание о дружбе между мужчинами и женщинами. Покровитель? Звучало гадко и неприлично. Но он больше не был

просто куратором моей стажировки. Кураторы не торчат в спальнях своих студентов, ища способ немного сбить температуру.

Выпив горячего питья, я почувствовала себя чуть лучше и провалилась в зыбкий жаркий сон.

Мартин осторожно закрыл за собой входную дверь и едва не запнулся о Петера, сидевшего на крыльце. Тот все еще дрых, как полчаса назад, утопив покрасневший нос в меховом вороте пальто. Маг даже позавидовал — что Софи, что его племянник были способны уснуть где угодно. Или это артефакторы все такие неприхотливые?

Мартин прошел мимо, но затем все же вернулся. Лечить еще и племянника не хотелось. Да и помощь его могла сейчас пригодиться. Оставлять Софи одну не хотелось. Маг потряс Петера за плечо, тот тяжело разлепил ресницы, непонимающе глядя на своего дядю, вручившего ему ключи от автомобиля.

— Петер, будь добр, съезди за доктором Отиусом, скажи, что внучка мастера Вернера приболела.

Петер тут же оказался на ногах.

— Что с ней?

Мартин перегородил ему дверь, не давая ворваться в дом.

— Простыла. В эти дни она мало заботилась о себе. «А я недосмотрел».

— Хорошо, — растерянно кивнул Петер, а затем нахмурился: — Дядя, почему ты здесь?

— А где я должен быть? — рассеянно спросил Мартин.

— Ведь не из-за меня же ты помогаешь Софи и едва ли в благодарность мастеру Вернеру.

Мартин вскинул брови.

— Почему я просто не могу проведать знакомую мне фрейлейн, о которой беспокоюсь?

— Потому что ты никогда не делаешь ничего просто так.

Маг равнодушно пожал плечами. Домыслы Петера его мало волновали, а всерьез воспринимать племянника как соперника не получалось. Уже нет.

— Иди, не тяни время.

Петер спустился вниз по лестнице, но затем вновь оглянулся. Лицо его кривила болезненная гримаса.

— Ты знаешь, я ведь на самом деле ее люблю. Уже много лет. А теперь пришел ты... неужели, думаешь, я не вижу, что ты делаешь? Постепенно вытесняешь меня из жизни Софи, делаешь лжецом и идиотом в ее глазах.

— Я делаю? — холодно переспросил Мартин. — Ты с этим отлично справляешься сам.

Женщины любят, когда им демонстрируют надежность, даже если это на самом деле не так. Петер со своими порывами, терзаниями и метаниями мог вызвать разве что раздражение, но никак не любовь. Тем более после того, что он устроил месяц назад.

Мартину приходилось видеть Софи взбешенной, дующейся, злящейся. Но никогда так сильно ненавидящей, как в тот день, когда он стал свидетелем некрасивой ссоры между ней и своим племянником. И ведь они вроде только начали вновь общаться, когда Петер умудрился все испортить.

Звонил в дверь Мартин долго. Ему открыла служанка Вернеров, кругленькая и маленькая женщина с вечной улыбкой на лице. В этот раз она не улыбалась.

— Господин Шефнер, как не вовремя вы пришли... Или наоборот, вовремя! Ваш племянник тоже тут, и они с Софи... ох! Я уже даже не знаю, что делать. А ежели колдовать начнут? Меж чародеев-то не вмещаешься... — тараторила служанка.

Шефнер аккуратно подвинул ее и прошел внутрь. Судя по голосам, Петер и Софи были в гостинной. Дверь была приоткрыта, поэтому Шефнер смог оценить ситуацию, не привлекая к себе внимания.

На щеке Петера краснел след от удара, и по тому, как Софи потирала руку, было понятно, что была именно она, и всерьез.

— ...как в твою дурную голову могла прийти мысль беспокоить моего деда, когда он так болен! — полным ярости голосом говорила она, впрочем, не срываясь на крик.

— Он сам заговорил об этом! Что я должен был ему сказать?

Мартин поморщился. Его племяннику не хватало убедительности и навыков, чтобы успокоить разъяренную девушку.

— Правду! Но никак уж не врать о нашей будущей помолвке. И не устраивать перед ним эту унижительную сцену. Использовать моего деда, чтобы заставить меня согласиться на твое предложение... это низко даже для тебя.

— Я не использовал мастера. Ты же слышала его! Он хочет знать, что у тебя все будет хорошо. И он спросил, какие у меня планы по поводу тебя. Разве я должен был врать?

— Что же ты о своей невесте не сказал? Или о Марте?!

Судя по всему, мальчик сделал Софи предложение на глазах у ее деда, тем самым загнав девушку в угол. Это могло сработать с кем-то другим, но не с чародейкой из рода Вернеров. Хотя Мартин полагал, что Петер не врал — не было у него злого умысла.

Представление нужно было заканчивать. Мартин постучал о косяк двери и зашел внутрь. София ожгла его злым взглядом.

— Прошу прощения. Вынуждена вас покинуть, — голос у нее дрожал. — Надеюсь, ваш племянник, господин Шефнер, меня больше не побеспокоит!

Петер рванул было за девушкой, но Мартин жестко схватил его за локоть.

— Не делай все еще хуже. Иди домой.

Во взгляде Петера было столько усталости и тоски, что пальцы Мартина разжались, отпуская руку юноши.

— Софии не до тебя, — уже мягче сказал Мартин. — Если не можешь справиться со своими проблемами, не втягивая ее, то лучше не мешай.

— Мои проблемы... — пробормотал Петер. — Я решу их. Обещаю.

Едва ли то, что он имел в виду, могло понравиться Мартину, но он предпочел промолчать.

Я почти неделю не выходила из дома, воспользовавшись академическим отпуском. Восстанавливалась физически и душевно, читая книги и подолгу глядя в окно на пустой задний двор. Возвращаться к работе не хотелось, будто я в один момент охладела к артефакторике. Пару раз приходил Петер, но его я не впускала. Шефнер-старший тоже заглядывал. Выпивал со мной чашку чая и, вежливо раскланявшись, уезжал. Вопросов о том, когда я вернусь к работе, не задавал.

Пожалуй, если бы не Мартин Шефнер, я бы совсем заросла мхом и едва ли поднималась с постели. А так приходилось приводить себя в порядок и играть с ним в чаепития. Единственный раз, когда я пыталась отговориться плохим самочувствием, он вновь привез

доктора и — пока тот меня не осмотрел, отказывался уйти. Самое грустное, что когда я пожаловалась приехавшей Кати на слишком властного гостя, та его поддержала. И что мне оставалось делать? Не пускать его не представлялось возможным. Да и на что было жаловаться — «Помогите, глава СБ заставляет меня угощать его чаем»?! Бред.

Жизнь продолжалась, хотела я того или нет. И преподносила сюрпризы. Первым из них было внезапное желание барона фон Гревеница навестить свою племянницу. Внезапным оно, впрочем, стало по моей вине.

В этот день мой поздний завтрак начался в два часа дня. Я читала утреннюю газету, вяло ковыряясь вилкой в блинчиках с вишневым вареньем, когда в дверь позвонили. Кати находилась в другой части дома и не слышала трели звонка, поэтому я вздохнула, запахнула дедов махровый халат и пошла проверять, кого принесла нелегкая. И Петер, и его дядя в это время были заняты.

Подойдя к двери, я встала на цыпочки и заглянула в глазок. Немолодой господин с грустным лошадиным лицом, одетый в унылый серый фрак, показался мне смутно знакомым. Один из клиентов деда? Я приоткрыла дверь, не снимая цепочку, и самым холодным тоном спросила:

— Чем я могу вам помочь?

— София, это ты?

Охнула, внезапно узнавая. Когда в последний раз его видела, я даже не была еще студенткой. Пospешно открыла, впуская дядю в дом.

Дядя Клеменс, старший брат моего отца, мало изменился за эти годы. Разве что стал еще суше и сутулее, чем раньше, но все так же выглядел больше похожим на чиновника средней руки или адвоката, чем на главу древнего аристократического рода. Было ему сейчас около сорока пяти. Его жена умерла около двадцати лет назад, но он так и не женился и не обзавелся потомством. Человеком он был добрым, но слегка... занудным, что ли. И весьма консервативным.

— Дорогая, прими мои соболезнования, — скорбно сказал дядя, сухими губами касаясь моей щеки. — Почему ты не ответила на письмо?

— Письмо?

— Да, я прислал тебе письмо, как только узнал о смерти твоего деда.

— Простите. Я... — подобрать оправдания было сложно.

Корреспонденция мне приходила, но я заталкивала ее в ящик комода, не читая.

— И я весьма недоволен, что ты не пригласила меня на похороны. Но, видимо, тебе было не до этого. Ты уже решила все формальные вопросы с наследством? Если у тебя есть проблемы, то я могу приказать моему поверенному ими заняться.

— Спасибо, у меня нет проблем.

Барон снял с головы старомодный котелок и с укором на меня посмотрел.

— Дядя Клеменс, не хотите ли выпить чаю? — поспешно спросила я.

— Конечно, дорогая. Надеюсь, у тебя есть слуги?

Я кивнула.

— Тогда пусть меня проводят в гостиную, а ты пока приведи себя в порядок.

Когда я вернулась спустя минут двадцать, дядя уже чинно сидел в гостиной и что-то негромко выговаривал Кати. Заметив меня, он поднялся и впервые за нашу встречу улыбнулся.

— Ну вот, другое дело. Ты очень похорошела, София. Жаль, что твои родители не могут

тебя увидеть такой.

Я поправила рукава черного траурного платья и опустила глаза, являя собой образец скромной и милой девушки. Это платье было единственным нарядом в моем гардеробе, соответствующим ситуации. Все же траур я носить не собиралась. Маги обычно пренебрегали такими условностями. Но барону знать об этом не полагалось.

— Вы приехали сегодня, дядя?

— Нет, еще вчера вечером, но был так утомлен дорогой, что тут же отошел ко сну.

Столицу барон Гревениц не любил, предпочитая тихо и мирно жить в своем поместье подальше от шумного города и большой политики.

— Что вас привело?

— Мне захотелось провести свою племянницу. Я понимаю, что ты уже совсем взрослая и... э-э-э...

— Независимая, — подсказала я. В свои двадцать два года я была вольна полностью распоряжаться своей жизнью и имуществом.

— Да, — кивнул барон. — Но ты все же молодая девушка, живущая одна в столице. Меня не может это не беспокоить. Ты ведь еще не обручена?

— Боюсь, нет, — с фальшивым сожалением вздохнула я.

— Что ж, может, это и к лучшему. Не думаю, что твой дед мог подобрать хорошую партию для девушки из благородного рода Гревениц.

— Я Вернер, дядя, — напомнила.

Барон поджал губы.

— Не понимаю, зачем тебе нужно было править документы на это имя. И все же ты моя племянница, и меня не может не беспокоить твоя репутация.

— А что с ней не так?

Барон нервно смял салфетку в руках.

— Мне сообщили, что ты весьма близка с Шефнером, — с неодобрением сказал он.

— С каким из? — не моргнув глазом, спросила я.

Больше всего на свете я ненавидела вмешательство в свои дела и отношения. Чашка в руках барона дрогнула, и горячий напиток едва не пролился на его брюки. Он осторожно поставил ее на стол и недовольно на меня посмотрел.

— Конечно же я имею в виду не юного барона Шефнера, а его дядю. Я позволил твоему деду присматривать за тобой потому, что у тебя магический дар, который нужно было развивать и контролировать. Время от времени по моей просьбе Август писал мне, чтобы сообщить о твоих успехах в университете. Я рад, что ты оказалась прилежной ученицей и что вела себя подобающе. Но ни в одном из последних своих писем Август не упоминал, что ты знакома с Мартином Шефнером и что он частый гость в вашем доме.

— Он постоянный клиент моего деда. Был им.

А теперь, судя по всему, Шефнер перешел в наследство мне. Как и старый дедушкин халат. И при этом столь же удобен, но не слишком приличен для молодой девушки. Я еле удержалась от неуместного в данной ситуации смешка.

— Я был знаком с его старшим братом, мы учились вместе. Да и потом я захаживал к нему в гости. И хорошо помню Мартина. Удивительно, что он стал главой Службы безопасности.

— Удивительно? Но кто лучше, чем маг-менталист, годится для этой работы? Тем более с таким характером, как у него? — проворчала я. — К тому же, насколько я помню, в семье

Шефнеров почти все мужчины шли по стезе военной или тайной службы государству.

— Это так. Но стоит понимать, что представители рода Шефнеров в непростые для нашей страны годы отнюдь не являлись самыми достойными подданными империи. Да и сейчас, я знаю, Мартин Шефнер находится под покровительством Тренка.

— Канцлера? И что же?

— От женщины сложно ожидать, что она будет разбираться в политике, — пробормотал барон почти себе под нос. — Тренк проводит политику, ослабляющую нашу империю и влияние императора. Он не намного лучше социалистов, мечтающих привести к власти отщепенцев из самых низов, еле умеющих читать.

Перестав общаться с семьей отца, я совсем забыла, что Гревеницы всегда были яркими монархистами, а мой прадед когда-то был одним из сторонников императора Терруса, проигравшего войну с алертийцами. Неумелые и неосторожные действия Терруса потом едва не привели страну к гражданской войне. Отделения западных провинций и северных вольных городов удалось избежать благодаря Лигнардусу фон Боргосу, ставшему позже первым канцлером Грейдорской империи. А император потерял большую часть власти, став едва ли не символической фигурой. Бывших сторонников Терруса, а также тех, кто питал надежды на восстановление Грейдора как военного государства, такая ситуация, конечно, не устраивала. И хотя мой дядя не имел политических амбиций и военных талантов, которые он мог бы применить на войне с Алертом, но все еще традиционно недолго любил нынешнее правительство.

Нынешний канцлер, Густав фон Тренк, не был популярен среди старой аристократии и армии, но зато благодаря щадящей налоговой политике и экономическим реформам пользовался поддержкой народа и среднего класса.

А Шефнер, значит, протеже Тренка? Неудивительно, что мой дядя так недоволен моим кругом общения. Я и так веду образ жизни, мало соответствующий его представлениям о приличиях, а тут еще и сомнительные знакомства. И если я не хотела сложностей с бароном в будущем, то следовало сразу прояснить свою позицию.

— Дядя, я действительно не разбираюсь в политике, но меня она и не касается. Я прежде всего артефактор, а господин Шефнер является лишь моим временным работодателем.

— Ты могла бы не сотрудничать с СБ, — проворчал барон. — Артефакторика совершенно не женское дело, но раз уж ты все же решила ею заниматься, то могла бы выбрать работу на благо государства, а не поддерживать эту шайку, вечно сующую нос в чужие дела.

На меня снизошло озарение. Военное министерство! Так вот на чью мельницу льет воду неизвестный доброжелатель. Не сумев уговорить меня работать на них добровольно, они подключили моего дядю.

— Дядя Клеменс, можно мне поинтересоваться, а кто именно сообщил вам о Шефнере, если дедушка об этом не писал?

Барон отвел взгляд.

— Один мой университетский знакомый.

Кто-то из приятелей деда, университетских преподавателей? У меня было не слишком много знакомых старше тридцати, тем более из благородных семейств. В отличие от Петера, я не посещала светские рауты и хорошими связями не обладала.

— И как зовут этого заботливого господина, столь пекущегося обо мне?

Дядя не хотел отвечать, но я продолжала сверлить его тяжелым взглядом, и он наконец сдался:

— Людвиг Гайне.

Ха! Сам военный министр! Это было несколько пугающе, что он знал о моем существовании, и все же мне польстило его интерес ко мне как артефактору. Поверить в то, что незнакомый человек внезапно решился обеспокоиться моим моральным обликом, было совсем уж невозможно.

— Вы так хорошо его знаете?

— Не особо. Он был старше меня на несколько лет, но мы входили в один клуб. Я всегда с интересом следил за его карьерой и даже писал ему свои соображения о том, как стоит развивать нашу армию.

— И он вам хоть раз ответил?

Барон покраснел. Мой бедный наивный дядя. Я покачала головой:

— Нет? Тогда вам не кажется странным, что он внезапно написал вам, если раньше вы не общались?

— Безусловно, я немного удивился. Но сегодня министр принял меня у себя. Он был весьма дружелюбен. Мы поговорили немного о старых знакомых, политике, и он похвалил тебя. Сказал, что его артефакторы в восторге от некоторых твоих студенческих работ. И раз уж ты решила работать, то я бы предпочел, чтобы ты занималась чем-то более уважаемым и общалась с людьми, имеющими не столь сомнительную репутацию, как Шефнер.

Надо было бы познакомить дядю со Шварцем, чтобы он понял, с какими людьми мне придется работать в этом «уважаемом» министерстве.

— В военном министерстве не работают женщины, — напомнила я. — Что уж тут уважаемого?

Кажется, мне удалось несколько поколебать дядю, но все же не до конца.

— Я боюсь, что ты останешься старой девой, но если ты будешь работать на Гайне, то сможешь найти себе приличного мужа. Он наверняка познакомит тебя с влиятельными и приличными людьми.

«Нет, точно нужно представить дяде Шварца».

— Вынуждена ответить отказом, — твердо сказала я. — Никаких военных в моей жизни. Ни в работе, ни в личной жизни.

— Дорогая, твои взгляды на жизнь меня огорчают.

Прежде чем я успела ответить, в дверь снова зазвонили. Я очень надеялась, что это Мартин Шефнер. Дядя Клеменс был человеком традиционных взглядов, но нерешительным, что ли. И как выяснилось, легко поддающимся убеждениям. Против Шефнера-старшего у него не было ни единого шанса.

— Простите, я открою.

— Тебе бы следовало завести дворецкого, Софи, — сказал мне уже в спину барон.

Дверь я распахнула без всяких сомнений и тут же попыталась закрыть. Но Петер успел подставить ногу.

— Дай мне пять минут! — умоляюще сказал он. — И я уйду!

— У меня нет пяти минут, я занята. У меня гости, — сердито сказала я.

— Дядя? — нахмурился мой сокурсник.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я. Но потом поняла: — А, ты имеешь в виду своего

дядю. Нет, это не он. А теперь, будь добр, проваливай.

— Одну минуту! Софи!

Нет, я не повелась на щенячьи глазки Петера. Просто опасалась, что его крики под окном привлекут внимание дяди.

— Хорошо. Только быстро. И не кричи так...

Я сдалась и пропустила его внутрь. Но я не ожидала, что он протащит с собой огромный чемодан.

— Это что такое? — спросила с подозрением.

— Я разорвал помолвку, — торжественно заявили мне, — и ушел из дома.

— Молодец... — рассеянно похвалила я, поведясь на горделивую интонацию Петера. Но затем до меня дошло, что он сказал. — Что?! И ты решил теперь поселиться у меня?!

— Нет-нет. Я снял себе комнаты в соседнем квартале. Но после того как вчера случайно разбил одну из своих игрушек, домовладелец заявил мне, что я обязан избавиться от всех артефактов. Вот я и подумал, что, возможно, ты разрешишь пока временно подержать их у себя.

— А что за игрушка? — заинтересовалась я. — Стены хотя бы целы?

— Дымная ловушка, абсолютно безвредная. А соседи вызвали пожарную повозку, — вздохнул Петер. — Так могу ли я доверить тебе свои артефакты?

— М-м-м, сейчас не лучшее время. Давай...

— Софи, что это за молодой человек?

Ну вот, и дядя вышел, решив принять участие в развлечении. И я, кажется, окончательно пала в его глазах. Объяснить взъерошенного молодого мужчину, пришедшего ко мне с чемоданом в руках, было весьма сложно. Может, за коммивояжера его выдать?

Петер с громким стуком поставил чемодан на пол и, просияв дружелюбной улыбкой, протянул дяде руку:

— Добрый вечер! Я Петер фон Шефнер, друг вашей племянницы.

— О-о-о, один из двух значит? — взглянув на меня с укоризной, тихо сказал дядя. — Я-то принял это за шутку.

Барон был слишком хорошо воспитан, чтобы устраивать скандал. Он вежливо ответил на рукопожатие.

— Клеменс фон Гревениц. Я знал вашего отца, вы очень на него похожи.

Прозвучало совсем не как комплимент. Я кинула весьма красноречивый взгляд на артефактора.

— Мы с Петером сокурсники. Он зашел по учебным делам. Так ведь?

Шефнер младший активно закивал.

— Да-да, твой научный руководитель интересовался, когда ты вернешься к учебе.

— Завтра и вернусь, — твердо пообещала я.

Дома оставаться опасно. Мало ли кто еще решит заглянуть в гости, и какие встречи все это сулит. Фантазия подкидывала самые странные сочетания — Шефнера-старшего и Шварца, пьющих у меня чай. Гайне и опять же Шефнера, обсуждающих политику за кофе в моей гостиной... А потом, может, и невеста Петера заглянет посмотреть на разлучницу. Одновременно с Мартой. Бр-р-р.

Чем больше я буду занята, тем меньше шансов, что меня во что-то втянут.

Избавившись от Петера, я еще битый час уверяла дядюшку, что не состою ни в каких порочащих род Гревениц связях и не привожу в дом посторонних мужчин. Кати, приведенная

в гостиную как свидетельница, активно кивала, подтверждая мои слова.

Наверное, оправдываться перед дядей было необязательно. У барона фон Гревеница не имелось рычага давления на меня. Я была финансово независима, имела свой дом и давно вышла из возраста, когда мне нужен был опекун. Но ссориться с дядей тоже не хотелось. Он был, в принципе, неплохим человеком, довольно одиноким. Как и я теперь. Так что я вполне могла пойти ему навстречу в некоторых мелочах. Тем более что он скоро уедет в свое поместье, а я вернусь к разнузданному образу жизни — буду ночами проводить время со своими артефактами, шептать им всякие нежности...

В итоге я стала жертвой своей мягкосердечности, пообещав дяде то, что мне претило до глубины души. Мне предстояло войти в высший свет. На мои робкие попытки возразить, что я еще в трауре, мой консервативный дядюшка ответил, что я не в том возрасте, чтобы ждать еще год. Кажется, он так и не мог определиться, кто я — унылая старая дева, помешанная на науке, или легкомысленная девица, строящая глазки всяким там Шефнерам...

Светские рауты и званые вечера меня не прельщали, но, немного поразмыслив, я решила, что это неплохой способ для того, чтобы сделать себе имя. Вот приду я куда-нибудь... Такая вся красивая, в роскошном платье. И с артефактами собственной работы. Да у меня отбоя от клиентов не будет! Баронесс и баронов, герцогинь, графов и прочих скучающих от безделья аристократов, не знающих, куда потратить свои деньги.

Я ненавидела жеманных баронесс и напыщенных графов. Я ненавидела роскошные платья, оказавшиеся жутко неудобными. И мне до чертиков надоело быть постоянно красивой. От завивки волос горячими щипцами мне казалось, что я скоро облысею, а мозоли от изящных туфель упорно не хотели заживать. Вежливая и милая улыбка так прилипла к моему лицу, что казалось, меня и похоронят в таком виде, улыбающуюся...

Прошло всего два месяца с моего официального выхода в свет, и это был всего лишь пятый случай, но развлечения и местная публика уже успела мне наскучить.

— Милая Софи, скажите же моему мужу, что он должен быть осторожнее в своем увлечении антикварными украшениями. Вдруг на них какое-то проклятие!

Я подавила вздох, вертя в руках бриллиантовые запонки, всунутые мне, пока я решала, стоит ли мне попробовать крабов или тосты с гусиным паштетом. А ведь мне почти удалось провести десять минут в спокойствии и одиночестве.

— Такое встречается довольно редко. И на этих запонках нет никаких чар, тем более прокливающих.

— Так почему он так активно лысеет? — воскликнула баронесса фон Крид, полная дама с почти вываливающимся из узкого платья бюстом. Интересно, она сочтет оскорблением, если я предложу ей мастера, продающего артефакты для похудения?

— Милая, — осторожно вмешался барон фон Крид, радуя собравшуюся публику багровеющей лысиной, — фрейлейн Гревениц...

— Вернер, — привычно поправила я, но меня не услышали.

— ...все же не целительница. Да и она не видела всю мою коллекцию.

— Это нужно исправить! — экспрессивно воскликнула баронесса. — Как насчет того, чтобы зайти к нам в гости вместе с вашим чудесным дядей, к примеру, в следующую субботу? У меня будет небольшой званый вечер на двадцать человек. И все такие же творческие люди, как и вы, Софочка. К примеру, Тати отлично рисует, а князь Млодич пишет такие прекрасные стихи!

Объяснять, что моя артефакторика несколько отличается от бесполезных акварелек «Таточки» или громоздких стихов роанца Млодича, которые тот декламировал с таким чудовищным акцентом, что понять его могла только баронесса фон Крид, было бесполезно.

Ну вот и зачем я на все это подписалась?! Я кинула тоскливый взгляд на своего дядю, важно вещающего что-то невысокому господину с острым птичьим лицом, и еще раз вздохнула. Кажется, он вошел во вкус. А ведь как все невинно начиналось. «Это благотворительный бал, ты сможешь хорошо повеселиться, там будет много твоих сверстников». Ну да, только с ними мое общение что-то совсем не ладилось — в отличие от публики постарше, обремененной болезнями и изнывающей от скуки. Однако платить за мои консультации никто не собирался. Как можно думать о деньгах такой приличной девушке, племяннице барона фон Гревеница!

К счастью, баронесса перевела разговор на свой будущий вечер, и я смогла незаметно отойти. Но слишком спешила и поэтому впечаталась в чью-то спину. Хорошо так впечаталась. Ладно хоть владелец спины был довольно развитым физически и даже не пошатнулся. Зато я наверняка оказалась бы на полу, если бы меня не успели подхватить.

— Ой!

— Вы в порядке, фрейлейн? — спросил меня мой спаситель.

Симпатичный такой. На нормального человека похож, а не на напوماженный манекен, какими казались большинство молодых мужчин здесь. И судя по выправке и широким плечам... военный?

— Да, спасибо, — я натянуто улыбнулась, аккуратно освобождая свою руку.

— Вы ведь София Вернер, да? — с интересом спросил меня мужчина, неожиданно легко нарушая правила, установленные высшим светом.

— Да, — растерянно подтвердила я.

— Меня зовут Стефан Ланге, а это моя младшая сестра Мария. Она сегодня впервые выходит в свет.

Я с ужасом посмотрела на юную девушку, стоявшую позади светловолосого мужчины. Судя по взгляду бывшей невесты Петера, она отлично знала, кто я такая. Молчание несколько затягивалось. Мария Ланге изучала меня, а я — ее. Почему-то мне казалось, что она должна быть невзрачна, а то и вовсе уродлива. Должна же быть причина, почему Петер так бежал от брака с дочерью графа.

Мария же была хороша в самом цветении своей юности. С округлой в нужных местах фигуркой, белокурыми волосами, вьющимися, я уверена, от природы, и теплыми карими глазами, в которых сейчас застыли страх и растерянность. Будто олененок, увидевший хищника. Неприятно, что этим хищником в ее глазах была я.

И вид у меня, наверное, был довольно зловещим по сравнению с этим цветочком. Я сильно осунулась и похудела во время болезни деда и все еще полностью не оправилась. Прибавьте к болезненной худобе и бледности пристальный и тяжелый взгляд серых глаз, пепельные волосы холодного оттенка, строгие черты лица. Да и платье на мне было хоть и элегантным, но мрачным — темно-зеленого, почти черного цвета. Именно так и выглядят роковые злодейки в романтических пьесках. Единственное, что во мне оставалось милым, так это ямочки на щеках. Но они были видны, когда я улыбалась. Сейчас мне это делать точно не хотелось.

«Да ну, ты же ничего такого не сделала», — рассердилась я на саму себя и выпрямила спину, готовясь встретить возможные обвинения.

Но Мария меня удивила.

— Я слышала о вас от Петера, — тихим бесцветным голосом сказала она. — И когда увидела, сразу узнала. Он очень вами восхищается. Жаль, что я не так талантлива и умна.

Я вновь промолчала, не зная, что ответить на комплимент.

— Как у него дела? С ним все хорошо? — все таким же умирающим тоном вопрошала Мария.

Петера я видела вчера в университете. И он был все так же жизнерадостен и болтлив, как обычно. Если его что и тяготило, то он хорошо это скрывал. Но не говорить же об этом его бывшей невесте?

— Он много учится и обживаетеся на новом месте, — наконец сказала я. И не удержалась от вопроса: — Это правда, что он разорвал с вами помолвку?

Моя излишняя прямота не понравилась Стефану Ланге.

— А вы разве сами не знаете? — резко спросил он.

— Петер сообщил мне о разрыве помолвки, но его словам не всегда можно доверять.

Мария прикрыла свои оленьи глаза пушистыми ресницами.

— Это так. Он пришел к моему отцу и объяснился. Тот был так зол... Но я не виню Петера. Он ведь любит вас, так зачем же его неволить?

— А вы? Любите его?

Это был странный, удивительно личный разговор в месте, где положено было веселиться и предаваться пустой болтовне. Но ни музыка, ни шум не мешали нам с Марией.

— Я никогда не любила его по-настоящему и была очарована совершенно по-детски. Но сейчас я почти переболела своей влюбленностью.

Стефан мягко обнял сестру за плечи.

— Так правильнее, — сказал он. — Ты достойна лучшего человека, который будет тебя любить.

Эта сцена была бы удивительно сентиментальной и трогательной и, вполне возможно, довела бы меня до слез, если бы Ланге все не испортил, добавив мстительно:

— Конечно, Шефнеры теперь по гроб жизни будут обязаны моей семье. И пусть Мария запретила вызывать наглого щенка на дуэль, но с Мартина я возьму виру за нанесенное оскорбление.

— Тоже вызовете на дуэль? — с болезненным любопытством спросила я.

Стефан Ланге фыркнул:

— Что я — не в своем уме, пытаться вызвать ментального мага на честную схватку? Ну уж нет! Будет расплачиваться со мной информацией из своего ведомства.

— А вам она зачем?

— Стефан хочет сделать карьеру военного советника, — застенчиво шепнула Мария.

Уловив мой непонимающий взгляд, Стефан остро улыбнулся:

— Чтобы достигнуть каких-либо высот при дворе, нужно хорошо знать все грязные подковерные игры, что там ведутся. И в этом Мартину нет равных.

Приятные, в общем-то, оказались люди, несмотря на склонность Марии к мелодраматизму и патетичности и циничность и прагматизм ее брата, которые не ожидаешь увидеть у наследника графа.

К примеру, этот милейший человек, который, как оказалось, неплохо разбирался в новейших разработках артефакторики, умудрился едва ли не уговорить меня сделать ему несколько артефактов почти бесплатно. При этом умело играя на моем чувстве вины и

пользуясь только своим обаянием. Прирожденный политик! Если бы не моя врожденная скарედность, то ему наверняка удалось бы надуть меня. Но в итоге я навела его на мысль, что ему выгоднее и легче заставить поработать на себя Петера, неплохо поднаторевшего в военной артефакторике. Мы расстались довольные друг другом и нашим знакомством. И Стефан все же взял мой адресок, шепнув на прощание, что на ментальные артефакты он уж точно не поскупится и вообще — ему нужен «свой человек» среди магов.

На этом вечер впечатляющих знакомств не был закончен. Стоило мне сесть в кресло и вытянуть гудящие ноги, как меня нашел дядя все с тем же остролицым господином. Господин при ходьбе опирался на трость и едва заметно хромал. Я поспешно встала, полагая, что незнакомец захочет сесть.

— Сидите, фрейлейн, — благодушно сказал немолодой уже мужчина, усаживаясь в соседнее кресло.

— Это моя племянница София, — горделиво представил меня дядя, как всегда, упустив имя рода. — София, позволь представить тебе фельдмаршала Людвига Гайне, возглавляющего наше военное министерство. Но это ты и сама, наверное, знаешь.

Гайне слегка улыбнулся.

— Необязательно. Артефакторы бывают весьма рассеянны.

В этом он был прав. И как я его сразу не узнала, ведь видела же фотографии с ним в газетах!

Я подчеркнуто вежливо и глубоко поклонилась. Этикет предписывал женщинам делать книксены, но я как артефактор имела право на иную форму приветствия и, несмотря на недовольство дяди, пользовалась именно ей.

— Фельдмаршал...

— Я не люблю чинов, — отмахнулся тот, с любопытством меня разглядывая.

Гайне не выглядел прожженным интриганом, и мне пришлось напомнить себе, что именно этот сухопарый и старомодный господин написал письмо моему дяде. И он же — по крайней мере, если верить Шефнеру, — выступал за то, чтобы над магами осуществлялся жесткий контроль со стороны государства.

— Могу я попросить вас об одном одолжении, мастер? — вежливо спросил Гайне.

Это был удар прямо в сердце. Столь чудовищная лесть, на которую я все же на мгновение повелась. Я впилась взглядом в его лицо, ища насмешку, но министр выглядел серьезным.

— Я даже пока не магистр. Не говоря уже о том, чтобы заслужить ранг мастера.

Когда-то все артефакторы входили в отдельную, довольно закрытую гильдию. Не будучи членом гильдии или не получив ее одобрения, можно было не надеяться на успешную карьеру. И хотя гильдия уже сотню лет как была расформирована, традиция проходить дополнительные испытания осталась. После окончания учебы в университете артефакторы еще несколько лет оттачивали свои способности и только тогда выносили результат своей работы на суд коллег. Мастерами могли стать отнюдь не все, и даже я, несмотря на всю свою самоуверенность, не собиралась претендовать на этот ранг раньше, чем через два-три года после получения магистрата.

Гайне отмахнулся.

— Раньше обучение магов не было столь формализовано. По факту ваши умения уже вполне соответствуют рангу мастера. Рейнеке говорил, что ваш артефакт невидимости хоть и нуждается в незначительной шлифовке, но даже в таком виде мог бы стать основанием для

того, чтобы считать вас одним из лучших артефакторов империи. Я думаю, он будет готов за вас поручиться, если вы захотите получить ранг сейчас. Тогда вы станете самым молодым мастером в Грейдоре.

— Не стоит, — сухо сказала я. — Всему свое время. Тем более что другой ваш артефактор, мастер Шварц, утверждает, что мои чары не слишком устойчивы, а значит, непрактичны.

Нельзя было позволить оказаться в долгу у Гайне. Он мог многое мне пообещать, но отчего-то мне казалось, что потом придется возместить все сторицей.

— Танас может быть довольно суров и к себе, и к другим. Но это означает, что он видит ваш потенциал. Жаль, что вы так негативно настроены к сотрудничеству с моим ведомством.

— Мой дед отдал годы своей жизни, работая на вас, и мне не кажется, что это пошло ему на пользу, — резко сказала я.

— София! — в ужасе одернул меня дядя. — Как ты можешь такое говорить!

— Ничего страшного, — успокаивающе сказал Гайне то ли барону, то ли мне. — Я понимаю, что Август был обижен на военное министерство, а вы сейчас остро воспринимаете все, что касается вашего деда. Мне искренне жаль, что давняя болезнь подточила его здоровье, но поверьте, я не имею к этому ни малейшего отношения. Август не был небрежен в работе, но был склонен переоценивать свои силы. Я пытался предостеречь его, но вы наверняка знаете, сколь упрям был ваш дед.

— Только не говорите, что вы, министр, предлагаете мне работу ради искупления вины, хотя вы и ни в чем не виноваты, — глухо сказала.

Мне казалось, что Гайне разозлится. Я говорила с ним непочтительно, почти на грани приличия. Откровенно демонстрировала свою неприязнь. Знала, что не должна была, но не смогла удержаться. Рана на сердце, оставленная смертью деда, все еще кровоточила, никак не желая заживать. Слишком мало времени прошло, чтобы я могла смириться с потерей. За всеми этими светскими раутами и приемами я ни на секунду не забывала, что когда это все закончится, я вновь вернусь в пустой дом.

Дядя в ужасе смотрел на меня и, кажется, собирался уже извиняться за мое поведение, но Гайне оставался столь же спокойным.

— Нет, конечно, — мягко сказал министр. — Я довольно прагматичен в делах. Мне интересны ваши способности. К тому же, признаюсь, у меня есть личный интерес, чтобы наладить с вами если не дружеские отношения, то хотя бы сотрудничество.

— Вы говорили об одолжении, — вспомнила я, несколько остывая.

— Да, но оно не касается моего ведомства. Видите ли, фрейлейн, — в этот раз Гайне был подчеркнута нейтрален в обращении. — Когда мы еще были в хороших отношениях с вашим дедом, он создал для меня протез. Я лишился ноги совсем молодым, и это превратило мою жизнь, как мне тогда казалось, в кошмар. Но протез, который зачаровал для меня Август, оказался так хорош, что я смог почти забыть о своей неполноценности. Однако об артефакте нужно хотя бы иногда заботиться, а чары вашего деда тонкие, поэтому вмешательство других магов привело к тому, что протез пришел почти в негодность. Может быть, вы могли бы обновить чары? Конечно же я заплачу.

— Я посмотрю, но ничего не обещаю.

Отказывать министру в столь невинной просьбе было бы глупо, и если над протезом работал мой дед, то на самом деле стоило привести его в порядок. Не хотелось, чтобы о Вернерах говорили как о безответственных артефакторах.

Внезапно Гайне выпрямился в кресле, глядя куда-то мне за спину.

— Ха, и что же он тут делает?! — воскликнул министр. Сложно было понять, чего было в его интонации больше — раздражения или интереса.

Я обернулась и тут же увидела в пестрой толпе высокого темноволосого мужчину, невыразительно одетого, но все же привлекающего внимание. По крайней мере, мое.

Мартин Шефнер. И что он тут делает? Конечно, ему и по статусу, и по должности полагалось хотя бы иногда посещать светские собрания и рауты, но все же глава СБ обычно предпочитал держаться в тени, хотя и был всегда в курсе всех сплетен. Видеть его здесь, на обычном благотворительном балу, было непривычно.

Маг напряженно смотрел вверх голов и наконец нашел меня. На лице его отразилось облегчение. Я усилием воли заставила себя остаться на месте и не разглядывать его слишком уж откровенно.

Менталист направился в нашу сторону, но путь ему преградил Стефан Ланге. Рисковый парень! Не то что Шефнер выглядел так уж устрашающе, но было в нем что-то такое... хищное. Да и менталистов, явно находившихся не в духе, едва ли стоило злить. Ланге о чем-то заговорил, полностью игнорируя раздражение и нетерпение на лице собеседника. Тот резко что-то ответил, и Стефан посмотрел в мою сторону, нахмурившись. А затем отступил в сторону, пропуская мага.

— Министр Гайне, барон фон Гревениц, — коротко поприветствовал мужчин Шефнер и развернулся ко мне: — Фрейлейн София, могу ли я попросить вас уделить мне время?

— Мартин, неожиданно тебя здесь увидеть. Что, решил позаботиться о сиротках? — ехидно спросил Гайне. Получилось более чем двусмысленно.

— Куда мне до вашей щедрости, — хмыкнул Шефнер, но поддел он Гайне совершенно без огонька, думая о чем-то другом.

Внезапно очнулся мой дядя:

— Господин Шефнер, едва ли это прилично требовать что-то от моей племянницы, едва придя на вечер. Что могут подумать люди?

И в самом деле, мы и сейчас привлекали внимание, а если я отойду вместе с Шефнером, то сплетен будет еще больше. Вот только едва ли маг приехал сюда просто так, тем более зная, что я здесь с дядей. Мне было крайне неловко, но достаточно доверительные отношения с Шефнером позволили мне попросить его не навещать меня, пока в столице был мой дядя. И маг неожиданно легко выполнил мою просьбу, ограничивая наше общение работой.

Поэтому я встала, игнорируя осуждающий взгляд барона, и позволила Шефнеру взять меня под руку. Мы вышли на балкон, почти пустой из-за не по-летнему прохладной и ветреной погоды.

— Что случилось, господин Шефнер? — спросила я, зябко ежась. В другое время маг наверняка бы обратил внимание на то, что я мерзну, но не сегодня.

— Вы не должны волноваться, София, но в вашем доме произошел неприятный инцидент.

— Инцидент? — я вцепилась пальцами в перила. — Что случилось? И как вы узнали об этом?!

— Ваша служанка отправила ко мне мальчишку с запиской, и я тут же приехал. Она написала, что ни с того ни с сего потеряла память, а когда очнулась, в вашем доме все было перевернуто. Где вы, служанка в тот момент не знала.

А я ведь действительно не сообщила, куда именно иду. Но удивительно, что Кати не стала заявлять в полицию, а обратилась именно к Шефнеру.

— С ней все хорошо?

— Я оставил с ней своего человека и позвал доктора. У нее головная боль из-за отравления усыпляющим газом, но она в порядке.

— Усыпляющий газ? Не похоже на воришек. Что-то пропало?

— Я не могу знать точно, — покачал головой Шефнер. — Если вы не против, я провожу вас до дома, чтобы вы мне сами сказали, все ли ваши артефакты на месте. Сейчас там работают мои криминалисты, но я не пустил их в вашу мастерскую.

— Работают? Скорее хозяйничают, — проворчала и потерла лоб. — Нужно вызвать полицию.

— Не стоит. Едва ли они здесь чем-то помогут.

— Почему?!

— Потому что полиция увидит обычное ограбление, но поверьте мне, оно им не является. Два дня назад обворовали хранилище в университете, отдел кафедры артефакторики. Ваш артефакт невидимости пропал вместе с десятком других студенческих работ.

— Что, вы и это на себя взяли? — устало спросила, огорошенная еще одной неприятной новостью.

Когда я расстраивалась, меня всегда тянуло язвить. А то, что я узнала о пропаже своего артефакта только сейчас, меня сильно расстроило. Маг даже бровью не повел.

— Фактом кражи занимается полиция. Однако некоторые из артефактов могут представлять опасность, попав не в те руки, поэтому СБ известили о случившемся и попросили содействия. У меня возникло подозрение, что охотились именно за вашим артефактом, но теперь оно переросло в уверенность. Я не стал вас беспокоить, тем более что застать вас дома совсем не просто, но предупредил вашу служанку, чтобы она держала меня в курсе, если за вашим домом будут следить. Мне стоило проявить бóльшую бдительность.

Шефнер выглядел так расстроено, что мне пришлось подавить в себе желание погладить его по руке. Но я лишь вздохнула.

— Тогда поехали. Сейчас предупрежу дядю...

— Я думаю, ему будет лучше поехать с нами.

— Это обязательно?

Мне не хотелось лишний раз тревожить барона. Он и так ворчал, что молодая девушка не должна жить одна в столице, а тут и вовсе со света меня сживет. Конечно, он рано или поздно узнает о случившемся, но когда я уже разберусь с последствиями кражи.

— Вам не стоит оставаться в своем доме, пока преступников не найдут. Поживете пока с бароном Гревеницем.

Пришлось согласиться. Пока мы ехали обратно в автомобиле Шефнера, я напряженно размышляла, кто мог вломиться в мой дом. Все же я была артефактором, и любое незаконное проникновение было не так просто проверить. Да я сама продавала защитные артефакты! Так что ко мне мог попасть только кто-то... ну да, кто-то вроде Шефнера. Он ведь это уже однажды делал. А в хранилище университета попасть еще сложнее. И если предположить, что за этим стояли одни и те же люди...

Значит, среди грабителей был маг, притом весьма неплохой. Или несколько магов. Получается, версию, что за всем стояло желание пожитья, можно было отбросить. Маги

грабежами не занимаются — есть более доходные и надежные способы разбогатеть. Да и любое колдовство оставляет свой след. Никто не стал бы так рисковать ради моих любимых игрушек. Не того полета я птица и не настолько известный артефактор. Конечно, могли искать что-то из того, что принадлежало дедушке, но он не оставил ничего на самом деле ценного.

У кого был мотив так напрягаться ради того, чтобы украсть мои или дедушкины артефакты? Единственные, кто мне приходил в голову, — военные. Только они проявляли свою заинтересованность во мне, во многом непонятную и странную. Но разве министерство стало бы действовать настолько незаконным образом? Тем более зная, что я работаю на Шефнера и вполне могу обратиться в СБ за помощью.

Я покосилась на мага, ведущего машину, но не стала задавать свои вопросы при дяде. Если Шефнер сочтет нужным, он все расскажет позже сам.

Поймав мой напряженный взгляд на себе, маг успокаивающе улыбнулся. «Все будет хорошо», — сказал он одними губами. Дядя, к счастью, не заметил.

На первый взгляд в доме было все в порядке. Вещи на своих местах, ничего не разбито, замок даже не взломан. Но на магическом уровне... Я едва не зарыдала, увидев, что сделали с дедушкиными и моими чарами. Одни обрывки, и то почти истаявшие. Восстанавливать все это — не одну неделю.

Но, судя по всему, мои чары уничтожали не прицельно, не зная, куда метить, на одной мощи. Значит, не артефакторы. Боевые маги?

В отличие от артефакторов, алхимиков, целителей и менталистов, эту агрессивную братию в университете не обучали. Да и к чему? От обычных бандитов с дубинками они отличались тем, что вместо дубинок использовали сырую магическую силу. Какие чары? Даже заклинания у них были простейшими, пусть и сильными. Но в Грейдоре за всеми боевыми магами следили, и их в столице было немного. Так что, по идее, найти моих взломщиков должны были легко.

Когда я набралась смелости для того, чтобы заглянуть в мастерскую, за мной увязался барон. Помог мне снова Шефнер, намекнув, что неизвестно, в каком состоянии сейчас там артефакты. Вдруг что случайно активируется... Дядя побледнел, засомневался, и в тот же момент его поймал один из криминалистов, чтобы задать несколько вопросов.

Я проводила взглядом барона, послушно идущего за службистом.

— Зачем его опрашивать? Дядя не может быть причастным к ограблению.

— Это обычная процедура, — успокоил меня маг. — Вашу служанку сейчас тоже опрашивают. Важно понять, как преступники выбрали день и время, чтобы подгадать к вашему отсутствию.

Пожала плечами.

— Я теперь редко провожу выходные дома, это совсем не секрет.

Мы с Шефнером спустились в мастерские. Сначала заглянули в дедовскую, почти не действовавшую с начала его болезни. Я только некоторые артефакты убрала с полок в шкафы. Теперь же все было сметено и хрустело под ногами. Глина, дерево и даже металл превратились в мелкий мусор. Артефакты были не просто растоптаны и сломаны, а превращены почти в крошку и мелкую пыль, опять же с помощью магии. На мои глаза навернулись слезы.

— Зачем они так?

— Чтобы было сложнее понять, что именно унесли, — мрачно ответил менталист. —

Здесь есть тайники?

Я покачала головой.

— Нет, дед считал, что зачарованного замка на мастерской достаточно. Тем более что после несчастного случая со мной в детстве он усовершенствовал защиту комнаты. Но, видимо, этого оказалось недостаточно против грубой силы.

В моей мастерской дела обстояли не лучше. Разве что мусора поменьше — все же моя коллекция артефактов была не такой роскошной, как у деда. Я порадовалась, что почти все старые заказы уже отдала клиентам, значит, не придется терять репутацию из-за невыполненной в срок работы.

— Где вы храните свои записи и чертежи? Здесь или в кабинете? — спросил Шефнер.

— Здесь. А что?

— Заметили, что на полу нет ни одного клочка или обрывка бумаги? Преступников, помимо артефактов, интересовали и секреты вашей работы. Скорее всего, все бумаги они забрали с собой. Вы что-то делали... особенное?

Особенное? Разве что кольцо, защищающее от ментального воздействия, но оно было на мне. Зато все записи, не только о кольце, но и о шарфе и древнем браслете, что я изучала, хранились именно тут.

— Я работала над ментальными чарами, — призналась сокрушенно. — Ни одного ментального артефакта в мастерской я не держала, но все мои исследования были отражены на бумаге.

— Едва ли это как-то пригодится преступникам, если, конечно, они не теоретики от науки. Ваш диплом тоже многие читали, но никто не смог повторить вашу работу, как ни пытался.

— Это нарушение авторских прав! — возмутилась я.

Маг посмотрел на меня как на скорбную разумом.

— Вы не из-за того расстраиваетесь, София. Я, пожалуй, предпочел бы, чтобы ваш дар не был таким уникальным и неповторимым. Потому что, не сумев скопировать ваши чары, не получив желаемого, они придут за вами.

Холодок пробежал по моей спине.

— Это... министерство? — шепотом спросила я.

— С некоторых вояк сталось бы устроить такой налет, презрев все законы империи, но не при Гайне. А без него такие вопросы не решаются.

— Тогда кто?

— Я не привык делать выводы, имея на руках минимум данных, — осадил мое любопытство Шефнер.

— Но вы будете держать меня в курсе расследования?

Меня наградили сумрачным взглядом.

— Если это будет возможным. Кстати, раз уж вы вспомнили министерство, то можете попробовать разговорить Шварца.

— Разговорить на тему чего?

— Интересы министерства к ментальным чарам. Вы ведь понимаете, что понадобились им не просто так?

Я недоверчиво сощурила глаза.

— Неужели вы — и не знаете, что творится в вотчине Гайне?

— Кое-что знаю, но... До всей этой неразберихи вокруг вас я думал, что старый проект

прикрыли. Но, очевидно, другие считают иначе.

— Старый проект?

— Спросите лучше Шварца, — настойчиво повторил Шефнер.

— Да что хоть спрашивать-то конкретно?!

Было глупо надеяться, что мне ответят.

— Ладно, — пытаюсь сохранять спокойствие, сказала я. — Значит, вы считаете, что Гайне может иметь какое-то отношение к тем, кто проник в мой дом?

— Я не говорил этого, — все так же уклончиво ответил Шефнер. Вот ведь... крыса. — Но кто бы ни был замешан в деле, судя по методам, он весьма решительно настроен. Так что сейчас важно обеспечить вашу безопасность.

— Да-да, я перееду в дом дяди, — устало сказала я, прислоняясь к стене. Силы внезапно кончились.

— Этого мало. Лучше всего, конечно, если бы вы и вовсе покинули на время столицу. У вашего дяди ведь дом в провинции Ренуаз?

Меня передернуло при мысли о возвращении в Ренуаз. Детские воспоминания о дядином поместье едва ли были светлыми. Вязкая умиротворенность сельской глуши была для меня утомительна. Мне нравилась столица с ее трамваями, ухоженными парками и набережной, по которой чинно прогуливались горожане, с кофейнями и кондитерскими... Я определенно была городским человеком.

Шефнер правильно понял мою гримасу.

— Не хотите? Что ж, заставлять не буду. Городской дом господина фон Гревеница будет охраняться моими людьми, но я попрошу вас все-таки ограничить свои контакты и перемещения. По крайней мере, без сопровождения людей, которые могут вас защитить.

Дядя к таким людям точно не относился. Я растерянно посмотрела на мага.

— Не могу же я ходить везде с телохранителем или постоянно сидеть дома.

— Возможно, покажусь вам навязчивым, но я с удовольствием готов сопровождать вас куда угодно, — неожиданно серьезно сказал Шефнер.

Меня обожгло смущением. Его предложение не выглядело больше простой вежливостью или игрой. Взгляд мой скользил по стенам и полу, куда угодно, только не на мага. Шефнер и раньше иногда приглашал меня вместе отобедать или сходить в театр, но я обычно отговаривалась, а он не настаивал, переводя все в шутку. Теперь же я чувствовала: что-то изменилось.

Маг коснулся моих холодных пальцев, накрывая и согревая их.

— София, я не хочу быть для вас чужим человеком. Но всякий раз, когда я пытаюсь приблизиться к вам, вы отдаляетесь. Даже если я вам не нравлюсь, дайте мне шанс.

Во рту все пересохло, говорить было сложно. Биение сердца в ушах едва ли не заглушало собственный голос. Такое у меня было, когда я впервые демонстрировала действие созданного мною артефакта, еще на первом курсе. Я и на защите так не волновалась. А вот чтобы меня так внезапно повело от мужчины, казалось и вовсе невозможным. Они меня всю жизнь окружали, но я никогда так не смущалась и не волновалась лишь от одного довольно невинного жеста. Мне хотелось бы думать, что маг использует свои ментальные способности, но кольцо, спрятанное на груди, оставалось холодным.

— Зачем? Зачем вам это?

— Станный вопрос. Неужели вы не видите? Или не хотите видеть, насколько я вами очарован?

Я украдкой взглянула в лицо Шефнера и тут же поспешно опустила глаза. Выглядел он как-то непривычно. Лицо бесстрастное и даже какое-то пустое, будто одни глаза живут на нем. Темные, горящие, требовательные. Никто и никогда так на меня не смотрел. Я не была столь уж наивна, как считал Шефнер, и видела, когда мужчины заинтересованы во мне, когда я им симпатична. Но тут было что-то другое. Очарован? Скорее похоже на то, что он собирается меня съесть, даже не прожевав!

Напряжение было настолько осязаемым и плотным, что я начала почти задыхаться. Но затем все внезапно исчезло. Мои дрожащие пальцы отпустили, а Шефнер отошел к столу, изучая осколки оборудования на его поверхности.

— Не слишком уместно, да? — отстраненно спросил он.

— Что? — хрипло переспросила.

— Этот разговор не слишком уместен. Вам сейчас непросто, а я... Наверное, выглядит так, что я принуждаю вас ответить мне взаимностью взамен своей защиты.

— Почти так и выглядит, — сказала я осторожно. Заметив, как сжалась рука мага, поспешно добавила: — Но я так не думаю! И я благодарна вам за все. Искренне.

— Мне приятно о вас заботиться, — холодно сказал глава СБ. — Хотя это весьма хлопотно — следить, чтобы вы держались подальше от неприятностей.

Теперь меня еще и попрекают! Тут же захотелось обидеться и надуться. Но единственное, что я получила бы в таком случае, это снисходительную насмешку. Поэтому решила объясниться.

— Но я ничего не могла сделать! Гайне сам подошел ко мне.

— Я сейчас не про него. Меня беспокоит Стефан Ланге.

— Брат бывшей невесты Петера? Он весьма вежливый молодой человек.

Хотя вежливый — это я немного перегнула. Скорее амбициозный, наглый, но довольно интересный. Хотя не говорить же это магу, который явно не в духе?

— Ох, не обманывайтесь, — скривился Шефнер как от зубной боли. — Стефан, конечно, не опереточный злодей, но представления о порядочности у него весьма своеобразные. Меня беспокоит, что он может счесть вас средством отомстить Петеру или мне. А по поводу Гайне могу напомнить вам, что не стоит заключать с ним никаких сделок. Сейчас вы под моей протекцией, и он не наглет, но доверять ему нельзя.

Наверное, не стоит говорить менталисту о моем разговоре с министром. А то на самом деле — запрут в архиве СБ на веки вечные, и поминай как звали... «Она подавала надежды как артефактор, но была слишком несдержанна на язык». Так что я жалобно вздохнула, всем своим видом показывая усталость.

Из дома я вышла только через час, после того как ответила на дополнительные вопросы и собрала личные вещи и инструменты. Будущее рисовалось в самых мрачных тонах. И ведь даже на учебу сбежать не удастся. Лето. Работать без своей мастерской нормально не получится, ее восстанавливать не один месяц. А сколько на это уйдет денег! Автомобиль, который я собиралась покупать летом, вновь стал несбыточной мечтой.

Почти все грейдорцы считают, что маги — это странные, не от мира сего существа, которые могут быть как полезны, так и весьма опасны. На самом деле это по большей части собирательный образ, который к реальным магам практически не имеет отношения.

Возьмем, к примеру, целителей. Самые приличные ребята среди нас. Они в основном чувствительные, сентиментальные, но при этом довольно приземленные люди. Алхимики, напротив, все время улетают мыслями не туда, но при этом страшные зануды, которые часами могут говорить про всякие металлы, растворы и элементы. Пользу от алхимиков можно получить, если стоять за их спиной и контролировать процесс работы. А то вместо взрывчатки, к примеру, можно получить очередной недействующий философский камень. И это в наше-то просвещенное время! Впрочем, артефакторы все время поддевают алхимиков философским камнем. Как и они нас — вечным двигателем. Ох, сколько моих коллег сломало головы об эту идею...

Менталисты — аморальные чудовища, прикрывающиеся ханжеством. Ну еще бы: с их возможностью управлять чужой волей и влезать в чужие головы нужны или железные принципы, чтобы не перейти границу дозволенного, или невероятная ловкость, чтобы не попасться. И на людей они смотрят так же, как артефакторы на чужое изобретение: вот бы разобрать, чтобы посмотреть, что там внутри...

Артефакторы... не хотелось бы плохо говорить о своих коллегах, но среди других магов о нас ходят весьма дурацкие шуточки. К примеру: сколько артефакторов нужно, чтобы вкрутить лампочку? Ответ: один. Но вместо того чтобы вкрутить лампочку самому, он придумает артефакт, который ее вкрутит, затем лампочку, которую не нужно вкручивать, затем лампочку, которую не нужно выкручивать... а затем остаток жизни будет искать альтернативные источники света. А в комнате так и будет темно.

Над нами, стоящими на острие прогресса, двигающими цивилизацию вперед, совершенно несправедливо насмеются! Но кое-что во всех шутках подмечено правильно — мы действительно живем своей работой. Люди нам не так интересны, и общение с ними редко доставляет удовольствие. Такие артефакторы, как Петер, умеющие и обаять, и понравиться, — большая редкость. Полагаю, и он стал таким благодаря дяде-менталисту. Тут хочешь не хочешь, а научишься обращать внимание на окружение!

Но как бы мы все ни отличались друг от друга, мы все же воспринимали «своих» как родных кузенов — может, и немного странных, но все же родных и понятных. Но вот боевые маги стояли совсем отдельно.

Их единственных обучали не в университете, а в военной академии. Не потому, что они были такими уж дураками, как иногда говорили менталисты, самые высокомерные среди магов. Просто обучение боевой магии было сопряжено с огромными рисками, и в городе, где много мирного населения, боевикам было делать нечего. При неумении тонко работать с магическими потоками они владели чудовищно мощным резервом. И это делало их идеальным оружием.

Именно боевые маги на протяжении всей истории человечества решали исход битв... пока воины не стали более технологичны. После того как на поле боя начали массово использовать артиллерийские орудия, химическое оружие, мины и бомбы, созданные во многом благодаря алхимикам и артефакторам, роль боевых магов в военных столкновениях

перестала быть такой важной. Да, боевики оставались элитными бойцами — но даже они едва ли могли выжить при прямом попадании пули в висок. В наше время их начали использовать несколько иначе — как элитную охрану, шпионов, убийц. Неудивительно, что даже военные маги других направлений относились к ним... настороженно.

Мысль о том, что кто-то пустил по моему следу боевых магов, пугала. И я бы, наверное, обвешалась с ног до головы защитными артефактами, да у меня только и осталось, что одно колечко, и то против ментальной магии...

Так что мне повезло, что первый встреченный мною после ограбления боевой маг оказался моим собственным телохранителем. И водителем. Да-да. Все верно. У меня появился автомобиль. Правда, отданный мне во временное пользование. И выглядевший... Будем откровенны: это был драндулет на последнем издыхании.

— Ну а что вы хотели, фрейлейн? Думаете, наша контора деньги лопатой гребет?

Незнакомый маг сидел на моем крыльце и едва ли не ковырялся в носу. Нет, я серьезно. Это бы прекрасно вписалось в его образ.

Этого крепкого белобрысого мужчину со сломанным в нескольких местах носом, картавым выговором и самыми наглыми на свете голубыми глазами звали Джисфридом Грохенбау. После того как я несколько раз запнулась о его имя, он великодушно разрешил называть его Джисом.

— Я могу отказаться от чести иметь это... средство для передвижения?

— Никак нет! — жизнерадостно ответил Джис. — Босс сказал, что лучше вам не светиться лишний раз на улицах. Да и как иначе я смогу вас сопровождать так, чтобы не вызвать вопросов?

— Поверить не могу, что Шефнер действительно провернул со мной такую шутку, — пробормотала я.

— Что?

— Ничего.

— А у меня, между прочим, прекрасный слух, — с укором сказал Джис. — Я тоже не в восторге, что мне придется приглядывать за такой вот дамочкой, как вы. Нет, вы, конечно, хорошенькая, но работа уж больно скучная. А в Керне очередное восстание...

Мне показалось или в его голосе возникли мечтательные нотки?

Я была благодарна Шефнеру за заботу, но все же она показалась мне избыточной и несколько неуместной. Тем более если появление у себя автомобиля я еще как-то могла объяснить своим знакомым, то личный водитель вызывал гораздо больше вопросов.

— Вы могли бы отвезти меня в СБ? — попросила я.

— Куда угодно, — великодушно ответил Джис, вставая и потягиваясь.

Вел он машину неожиданно осторожно, а та, хоть и издавала подозрительно кашляющие звуки, но все же со своей работой неплохо справлялась. Сидя в салоне, я проверила автомобиль на наличие чар и нашла следящий маячок.

— За моими передвижениями будут следить? — спросила у водителя.

— Конечно. Обычная практика.

Вздыхнула, но промолчала. Судя по всему, после диплома мне лучше переехать подальше от столицы, если я не хочу всю оставшуюся жизнь провести на поводке.

Секретарь пропустил меня в кабинет начальства без вопросов, и Шефнер совсем не был удивлен моим приездом.

— У меня нет возможности оплачивать услуги боевого мага. И принять автомобиль я

тоже не могу, — на одном дыхании выпалила я.

— И я вас рад видеть, София. Присаживайтесь. Будете кофе или чай?

Я села, пристально глядя на менталиста.

— Ни чая, ни кофе, — грустно сказал Шефнер, подперев щеку рукой. Вид у него был самый меланхоличный. — Мы же вроде говорили вчера о необходимости вашей защиты? Вы согласились. По поводу оплаты услуг Джиса можете не волноваться. Он сотрудник СБ.

— И что, вы всем, кому угрожает опасность, так помогаете?

— Вы тоже работаете на нас. А мы о своих заботимся.

— Я прохожу у вас стажировку и работаю по контракту. И сотрудничать с СБ после окончания учебы не собираюсь.

— А что собираетесь? — без всякого интереса спросил маг. Я несколько растерялась. — А-а-а, точно, надеетесь на частную практику. Расстаньтесь с детскими мечтами, София. Если бы вы последовали когда-то моему совету и не привлекали к себе внимание, то, может быть, вам бы это и позволили. Но талантливого артефактора никто не оставит без присмотра.

Стало тоскливо.

— То есть только СБ или министерство?

Выражение лица менталиста осталось столь же скучающе-рассеянным, но я почувствовала, как что-то изменилось и в голосе его появились какие-то тягучие, плавные интонации.

— Ну почему «только»? Можно попробовать найти покровительство при дворе, но вам, как мне кажется, не очень-то по душе светское общество.

— Сборище бездельников, интриганов и напыщенных идиотов, — фыркнула я. — Мне хватило пары месяцев, чтобы понять это.

— Аристократы — это цвет нации, — нарочито напыщенно ответил Шефнер. Глаза же его откровенно смеялись.

У меня внезапно перехватило дух. Каким же он разным может быть, этот человек! Заботливым и холодным, занудным и насмешливым. И сегодня... будто не было вчерашних слов и прикосновений чуть шершавых пальцев к моим ладоням. Ни тени неловкости. Впрочем, наверное, его вообще мало что могло смутить. А ведь я, если бы не расстроилась по поводу мастерских, из-за его внимания испереживалась бы вся! Но тем легче. Благодаря спокойствию Шефнера я могла не отвлекаться от более важных проблем.

— Так что же мне делать?

— На данном этапе — смириться с положением дел и принять автомобиль и охрану. Это не моя личная прихоть или какое-то особое отношение, поймите. Кража и попытка скопировать артефакты, находящиеся в разработке, — это серьезное преступление. И люди, которые в этом замешаны, весьма опасны не только лично для вас, но и для государственной безопасности.

— Значит, вы об общественном благе беспокоитесь?

Менталист кивнул.

— В том числе. Последнее дело, если моего артефактора похитят или убьют.

— Я не ваш артефактор, — фыркнула.

— Мой, — возразил Шефнер. — А если вы, София, не хотите быть моим артефактором, могу предложить другую должность.

— Это какую же? — с подозрением спросила.

Глава СБ загадочно промолчал.

Летние каникулы, начавшиеся с драматических событий, вскоре вошли в свою колею. Мне не нужно было ходить на учебу или на стажировку, а заказы я почти не брала, лишившись собственной мастерской. Барон фон Гревениц на весь летний сезон отправился на минеральные воды поправлять пошатнувшееся здоровье. К опасностям столицы дядя оказался совершенно не готов, да и присутствие боевого мага в доме его смущало. Так что я на время стала полноправной хозяйкой городского поместья барона фон Гревеница. Дядя великодушно предложил мне жить здесь постоянно, пока не выйду замуж, но я планировала съехать, как только приведу дедушкин дом в порядок.

Скучать мне не приходилось. Своих занятий раз в неделю Шефнер так и не отменил, а в оставшееся время я занималась тем, что восстанавливала в своем доме защитные чары. С этим мне предстояло провозиться как минимум до середины лета. Без помощи я бы не успела и к началу учебного года.

Петер Шефнер вновь появился в моей жизни так легко, будто между нами и не было размолвки. Он не делал больше попыток что-то мне доказать, о своих личных делах тоже говорил неохотно. Я знала, что после разрыва помолвки Петер перестал общаться и с Мартой, хотя ни с кем до этого не встречался так долго и серьезно. Оставалось надеяться, что расстались они без взаимных претензий.

Кроме того, Петер не только съехал из особняка Шефнеров, но и бросил стажировку в СБ, переведясь в министерство.

— Не хочу быть тенью своего дяди, — пояснил мне друг.

Стремление к независимости и интерес к карьере — что-то новенькое для Петера, но едва ли не впервые в жизни он был настроен серьезно. Уж не знаю, что было причиной этих изменений, но мой друг стал выглядеть увереннее и взрослее. Теперь я на самом деле могла положиться на него.

Помимо довольно утомительных работ над восстановлением охранных чар в доме, Петер помогал мне и с автомобилем. Сама я в механике была не сильна и наверняка провозилась бы с машиной долго. К счастью, Петер оказался неожиданно талантливым механиком. В общем, «Пузатиком», как мы называли автомобиль СБ за его неуклюжесть, барон фон Шефнер решил заняться сам, едва ли не перебрал его заново. Я же, пока Петер возился под капотом, неспешно и осторожно накладывала чары, взяв за образец авто Мартина Шефнера и добавив немного от себя.

Джиса наша возня жутко нервировала. Он неприкаянно ходил вокруг машины, выпрашивал меня о чарах и заглядывал Петеру через плечо. И при этом не переставал бурчать, что за руль автомобиля, который испортили два недоучки-артефактора, сядет только безумный. И в один прекрасный день нервы Джиса не выдержали.

Я спокойно пила чай на кухне, когда меня буквально подбросило от выплеска силы где-то рядом. Ощущение было столь же приятное, как от скрежета металла по стеклу. Тут же заорала сигнализация на машине. Кто-то пытался залезть в моего «Пузатика»! Позабыв о пролитом чае, я поспешила на улицу.

Лужайка у дома выгорела, землю как будто вспахали, а дерево у крыльца опасно накренилось. Зато автомобиль даже не запачкался в пепле. Хорошие чары я наложила...

Источник неприятностей я нашла по звуку. Услышав шорохи и возню, обогнула машину и увидела взъерошенного Джиса с черным от гари лицом, который энергично скручивал предполагаемого преступника.

— Добрый вечер, мастер Шварц, — поздоровалась я. — Джис, будьте так добры, отпустите моего преподавателя.

— Ах, так ты еще и учитель! — возмутился боевой маг, даже не думая отпустить затихшего Танаса Шварца. — Ну уж нет, пусть сначала скатается со мной в СБ, там и посмотрим, чего этому типу понадобилось у вашего автомобиля. Учитель он... ха! Плетению браслетиков студентов учишь, хмырь?

— Боевой артефакторике, — мрачно пробурчал Шварц. — И если ты меня не отпустишь, то я сейчас использую то, что у меня осталось. И руки мне для этого не нужны.

[Купить полную версию книги](#)